

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Царевский А.

**СВЯТИТЕЛЬ
ИОАНН ЗЛАТОУСТ**

Православный собеседник,
1908, I, с. 57-85, 172-183, 273-298

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

СВЯТИТЕЛЬ

ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ¹⁾.

Свѣтло и торжественно, по всей поднебесной широтѣ міра христіанскаго, празднуется нынѣ тысяче-пятисотлѣтній юбилей со дня блаженной кончины святаго Іоанна Златоуста. Отъ моря до океана и объ онъ полъ океана, во всѣхъ концахъ земныхъ и на разныхъ языкахъ человѣческихъ раздаются теперь возвышенно-радостные гимны и славословія въ честь святаго Іоанна. То праздникъ всемірній, праздникъ христіанскій, велие торжество христіанскаго просвѣщенія. Всѣ люди крещенные, церковь восточная и западная, православные и католики, едиными усты и сердцемъ единымъ въ эти дни славятъ, хвалятъ и ублажаютъ дивнаго во святыхъ Златоустаго святителя.

Іоаннъ Златоустъ!.... Кому изъ христіанъ не знакомо, кто не слыхалъ, не знаетъ этого имени?! Во всей исторіи всего человѣчества много ли еще найдется такихъ всемірно знаменитыхъ и вѣчно славныхъ именъ?! Іоаннъ Златоустъ, это—великій изъ великихъ отцевъ и учителей христіанскихъ, тѣхъ столповъ православія, на костяхъ которыхъ воздвиглась во вѣки неодолимая церковь Христова и которые сами стоятъ теперь молитвенниками за насъ предъ престоломъ Господнимъ. Златоустъ, это—свѣтило вселенной, поученіе вѣкамъ, образъ и примѣръ человѣкамъ. Златоустъ, это—великая сила, свѣтлая слава, красота церкви Христовой на землѣ. Златоустъ—вселен-

---

¹⁾ Публичное чтеніе въ торжественномъ собраніи Братства во имя Пресвятой Богородицы, 11 ноябра 1907 г.

скій учитель, святой подвижникъ, мудрецъ въ христіанскомъ просвѣщеніи и благочестіи. Онъ изъяснилъ глубины вѣроученія нашего, онъ—вдохновенный истолкователь слова Божія, онъ защитилъ и оборонилъ истину и чистоту святой вѣры нашей отъ ересей и расколовъ, отъ еврейства и язычества; онъ—самый глубокій и трогательный, самый задушевный и любимый пастырь и наставникъ въ жизни христіанской; онъ, наконецъ, дивный, единственный и несравненный ораторъ-проповѣдникъ, издревле такъ и нареченный—учитель златословесный, златоглаголивый, Златоустъ. Его сочиненія, заключающія въ себѣ все потребное для христіанина, *яже къ животу и благочестію*, наполнили и, можно сказать, собою напоили землю, воспитали многія племена и поколѣнія христіанскія. Для нашихъ, напимѣрь, предковъ, старинныхъ русскихъ людей, именно сочиненія Златоуста, составляли самое любимое и самое завлекательное чтеніе. Столь распространенные у насъ въ старину сборники—*Измаридъ, Изумрудъ, Маргаритъ, Андриатисъ, Златоструй, Златая цѣпь, Златая матица*, наконецъ прямо *Златоустъ*, уже какъ видно изъ самаго названія многихъ изъ нихъ, заполнены были главнѣйшимъ образомъ, а нѣкоторые и исключительно, сочиненіями Іоанна Златоуста. Такимъ образомъ, Златоустъ особенно долженъ быть близокъ и дорогъ намъ, русскимъ людямъ; онъ—излюбленнѣйшій учитель отцевъ нашихъ, наставникъ нашего истоваго и славнаго правовѣрія русскаго; по книгамъ Златоуста предки наши учились и возростали духовно, Златоустъ питаль и услаждалъ души и сердца ихъ; по Златоусту устраивали и направляли они „благочестное и побожное“ жигіе свое,—Златоусту, можно сказать, больше всего наша Русь православная обязана тѣмъ, что искони стала она не какою либо иною, а именно *святою Русью*.

Да и независимо отъ этого далекаго прошлаго, всѣмъ и современнымъ русскимъ людямъ близокъ и дорогъ Златоустъ: вѣковѣчнымъ и знаменательнымъ памятникомъ Златоуста и ежедневнымъ для всѣхъ насъ напоминапемъ о немъ является божественная *литургія*, имъ составленная

и ежедневно во всѣхъ нашихъ храмахъ православныхъ совершаемая. Непосредственно отъ него, такимъ образомъ, мы воспріяли и унаслѣдовали несказанную красоту нашего богослуженія. А для истоваго человѣка русскаго и благочестиваго сына церкви православной есть ли что отраднѣе и любезнѣе церкви?! Для сердца русскаго есть ли какая красота милѣе и дороже церковно-богослужебной красоты?! Вѣроятно, поэтому-то и близокъ намъ, такъ любимъ нами святой Златоустъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ внутреннее убѣжденіе каждаго изъ насъ. Въ самомъ дѣлѣ, что-то особенно теплое, задушевное откликается въ сердцѣ при этомъ, словно родномъ, близкомъ, имени—Златоустъ! Невольно воспоминается, при этомъ, давно минувшая юность, когда, еще на школьной скамьѣ, тѣ люди, которые учили насъ вѣрить и молиться, рассказывали намъ о Златоустѣ, этомъ любвеобильномъ защитникѣ страждущихъ, грозномъ обличителѣ неправыхъ, этомъ необыкновенномъ страсотерпцѣ - подвижникѣ, удивительномъ, чудодѣйственномъ проповѣдникѣ.... Забылись, можетъ быть, подробности, частности изъ этого рассказаннаго намъ и слышаннаго нами о Златоустѣ; но памятно обаяніе тѣхъ высокихъ минутъ, когда сердце трепетало при рассказахъ о дивныхъ дѣлахъ этого дивнаго, пресвѣтлаго святителя. Не потому ли вотъ и теперь что-то особенное, радостное и утѣшительное чувствуется въ сей приспѣвшій день свѣтлаго торжества—въ памягъ Златоуста?! Изъ тьмы вѣковъ въ представленіи нашемъ нынѣ воскресаетъ величественный образъ этого, сердцу близкаго, благороднѣйшаго, святого и необычайно великаго человѣка. И мы теперь мысленно взираемъ на него, мы собрались здѣсь во имя его и около него, душа и сердце заполнены священной думою о немъ...

Какіе же вѣнки сплетемъ мы Златоусту въ этотъ торжественный, праздничный, его имени—день?

Не намъ сплетать вѣнки Златоусту; еще не родилось на бѣломъ свѣтѣ второго златоуста, который смогъ бы достойно и праведно, въ мѣру необычайныхъ даровъ и совершенствъ Златоуста, прославить и возвеличить Златоуста. И мы теперь, только преклонимся въ благоговѣй-

номъ умиленіи предъ его великою и священою тѣнью и, въ духовную сладость себѣ, только полюбуемся на этого дивнаго человѣка и на его дивныя дѣла и слова.

Перенесемъ же мысленно въ тѣ давно минувшія Златоустовскія времена и мѣста.

То было IV столѣтіе по Р. Х., столѣтіе замѣчательнѣйшее въ исторіи христіанства; оно отмѣчено и великимъ торжествомъ христіанства на землѣ и самыми страшными для него опасностями. Три вѣка дотолѣ лилась кровь христіанъ; не было такого орудія, такой пытки, которую злоба адская не испробовала бы на христіанахъ. Но кровь мучениковъ была только сѣменемъ, изъ котораго выростали новыя и новыя поколѣнія исповѣдниковъ Христа. Наконецъ, въ началѣ именно IV столѣтія, случилось то, что казалось даже святымъ и прозорливымъ христіанамъ, напр. Тертуллиану, невѣроятнымъ: самъ императоръ римскій, т. е. глава всего міра тогдашняго, сдѣлался христіаниномъ. Успѣхъ христіанства былъ великій, но—далеко не окончательный и не полный. Порвать сразу съ язычествомъ, которое жило вѣка и всецѣло заполняло и опредѣляло жизнь народную, оказалось трудно, невозможно. И вотъ, вмѣсто нападеній на христіанство внѣшнихъ, гоненій открытыхъ, начинается теперь борьба внутренняя, духовная, но не менѣе опасная, борьба не за право существованія христіанства на землѣ, а борьба и возстаніе уже на самую сущность его. Поднимаются всѣ злобствующія силы на ниспроверженіе вѣроученія христіанскаго, на его униженіе, извращеніе, опозореніе. И язычники извнѣ и разнообразныя еретики въ нѣдрахъ самого христіанства, одинаково напряженно подрывали и оскорбляли единую и чистую истину Христову,—повидимому, неуклонно вели христіанство къ разложенію, къ концу. Эта борьба, послѣдняя и крайняя, борьба на жизнь и смерть, была столь опасна для юной церкви Христовой, что не только массы народа, а и представители церкви, епископы и духовенство, и даже сами вѣнчаные охранители вѣры—императоры, попадали въ сѣти заблужденій и дѣлались еретиками и язычниками. Аріанство, страшная ересь, непризнававшая божествен-

ности Христа, а значить и въ корнѣ подрывавшая христіанство, временами охватывала чуть не всю церковь христіанскую, съ епископами и царями во главѣ. Были, на примѣръ, такіе страшные дни, когда въ столицѣ имперіи, въ Константинополѣ, только малая оставшаяся горсточка православныхъ ютилась въ одной домово́й церкви, а весь міръ остальной увлеченъ былъ аріанствомъ. А на примѣръ, второй же, послѣ равноапостольнаго Константина, преемникъ его на императорскомъ престолѣ, Юліанъ, явно отступилъ, отрекся отъ христіанства, всѣ усилія свои направлялъ къ уничтоженію христіанства и къ возстановленію въ имперіи своей стараго язычества.

Но всѣ эти ужасы и роковыя опасности скопились надъ церковью Христовой, какъ будто именно для того, *да явятся дѣла Божія* надъ нею. Какъ это было и въ первые дни христіанства, когда всего только двѣнадцать невѣдомыхъ міру рыбаей совершили своею проповѣдью невѣроятное дѣло, одержали побѣду надъ могуществомъ Рима, склонили и легіоны римскіе и тьмы народныя ко кресту и предъ крестомъ, такъ и теперь, въ моменты наибольшаго возстанія и крайняго напряженія силъ враждующихъ на христіанство, чудодѣйственно проявилась всемогущая и спасительная сила Христова, и проявилась она тоже только въ нѣсколькихъ, главнымъ образомъ четырехъ, исповѣдникахъ Христа. Своимъ словомъ, подвигомъ всей жизни своей, великимъ авторитетомъ личности своей, они отстояли вѣру Христову отъ всѣхъ посягательствъ злобы и вражды земной и адской, спасли христіанство для всей земли и передали его въ неприкосновенности и намъ, и на вѣки вѣковъ. То были во истину Богомъ воздвигнутые и богопросвѣщенные, свѣтоносные вселенскіе отцы и учителя—Аѳанасій Великій, Василій Великій, Григорій Богословъ и, самый величавый и особенно изумительный по богатству и разнообразію дарованій и по силѣ несравненнаго вліянія его на всѣ времена и поколѣнія христіанскія, Іоаннъ Златоустъ.

Златоустъ родился въ 347 г. въ Антиохіи. Антиохія, теперь это совсѣмъ маленькій, ничтожный городокъ, съ

пятитысячнымъ населеніемъ въ юговосточномъ углу малоазійскаго полуострова; а въ ту пору это былъ замѣчательный, міровой городъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ центровъ древней цивилизаціи. Нѣкогда Антиохія была столицею древняго сирійскаго царства, присоединеннаго къ великой римской имперіи, и во дни Златоуста именовалась она „царицею востока“; самъ Златоустъ называлъ ее „главой и матерью восточныхъ городовъ“. Антиохія—одинъ изъ почетнѣйшихъ городовъ вообще въ христіанскихъ воспоминаніяхъ, въ исторіи нашей церкви: Антиохія была, такъ сказать, преемницею Іерусалима; въ ней сосредоточились послѣдователи Христа, разсѣяшіеся изъ Іерусалима, послѣ перваго гоненія и убіенія первомученика Стефана. Въ Антиохіи-то и сформировалась въ первые годы христіанства знаменитая *апостольская церковь*; здѣсь долго находился, и проповѣдывалъ, и отсюда именно совершилъ три великія свои апостольскія путешествія св. первоверховный апостоль Павелъ. Наконецъ, тутъ именно, въ Антиохіи, впервые и навсегда всѣ мы, послѣдователи Христа, получили наименованіе *христіанъ*. Громадное, по тогдашнему, двухсотъ-тысячное населеніе Антиохіи, въ IV вѣкѣ состояло наполовину изъ христіанъ и язычниковъ.

Св. Іоаннъ происходилъ изъ христіанской и благородной, очень извѣстной въ Антиохіи семьи: отецъ его, по имени Секундъ, былъ начальникомъ всѣхъ императорскихъ войскъ въ Сиріи. Но онъ скоропостижно скончался, когда Іоанну исполнился только одинъ годъ отъ рожденія. Младенецъ-сирота остался на попеченіи матери своей Анѳусы. Юная вдова, всего только двадцати лѣтъ отъ роду, притомъ богатая, образованная и красивая, Анѳуса, безъ сомнѣнія, могла бы снова выйти замужъ; но помимо указанныхъ ея качествъ, она была и женщина строго благочестивая, высоко нравственная, идеальная мать-христіанка. Она отказалась отъ счастья своего личнаго, чтобы всѣ силы и всю жизнь свою посвятить дѣтямъ — сыну Іоанну и годомъ старшей сестры его. Не даромъ, впоследствии, учитель Іоанна, знаменитый ученый язычникъ

Ливаній, узнавши исторію самоотверженной материнской любви Анеусы къ дѣтямъ, восторженно воскликнулъ: „какія же удивительныя женщины у христіанъ!“

Необыкновенно счастливымъ природнымъ дарованіямъ и богодарованнымъ талантамъ Іоанна, Анеуса сьумѣла дать надлежащее и самое благое направленіе. По выраженію древняго писателя, она воспитывала Іоанна „на словѣ Божіемъ“. Подъ наитіемъ нѣжнѣйшей любви материнской, раскрылись и въ его душѣ дорогія сокровища нѣжнаго, дѣвственно-благороднаго, любящаго его сердца. Подъ непрестаннымъ вліяніемъ и впечатлѣніями религіозности и благочестія матери, происходило постепенное духовное возрастаніе и совершенствованіе Іоанна, неуклонное его устремленіе и приближеніе къ идеалу жизни возвышенной, чистой, святой. Первые шестнадцать лѣтъ жизни Іоаннъ и провелъ подъ непосредственнымъ руководствомъ и счастливою опекою своей матери. А потомъ онъ поступаетъ въ школу знаменитаго въ ту пору ученаго и ритора (оратора) Ливанія. Ливаній былъ однимъ изъ послѣднихъ столповъ и защитниковъ язычества, но все же изъ язычниковъ—несомнѣнно лучший, человѣкъ честный и образованный, благородный. Анеуса смѣло ввѣрила ему образованіе своего талантливаго сына, какъ потому, что школа Ливанія была самой лучшею въ Антіохіи, такъ и потому, что Іоаннъ настолько уже созрѣлъ и окрѣпъ въ христіанскомъ настроеніи, что языческія убѣжденія учителя ему не могли быть сколько нибудь страшны и опасны.

Четыре года Іоаннъ учился у Ливанія. Своими рѣдкостными дарованіями и блестящими успѣхами въ наукахъ онъ изумлялъ и восхищалъ своего учителя. Еще юношею, Іоаннъ въ ораторскомъ искусствѣ уже превзошелъ своего учителя, этого знаменитѣйшаго ритора, имя котораго гремѣло не только въ Антіохіи, но и въ Аѳинахъ, въ Константинополь, въ Никомидіи, гдѣ раньше жилъ Ливаній и, какъ ораторъ, надъ всѣми первенствовалъ. Теперь этотъ Ливаній, прочитавши одинъ изъ первыхъ опытовъ, собственно еще ученическое упражненіе

Іоанна, его „Похвальное слово Константину Великому“, въ восхищеніи написалъ къ Іоанну: „какой счастливецъ ты, что можешь такъ прекрасно говорить и хвалить! Но какъ счастливъ и императоръ, для котораго нашелся такой ораторъ!“ А умирая, Ливаній очень сокрушался, что Іоаннъ не можетъ стать его преемникомъ въ школѣ: „никого не хотѣлъ бы я оставить послѣ себя, кромѣ Іоанна; но его похитили у мѣня христіане“, горько сѣтовалъ Ливаній.

А между тѣмъ Іоаннъ въ это время еще не былъ и крещенъ: въ силу допускавшагося тогда нѣкоторыми обыкновенія принимать святое крещеніе не по вѣрѣ воспріемниковъ, какъ теперь у насъ, а по убѣжденію и полному разумѣнію самого крещаемого, Іоаннъ, почитавшій себя все еще не созрѣвшимъ духовно, рѣшилъ приступить къ святому крещенію только по достиженіи 22-лѣтняго возраста. Зато теперь, въ юношествѣ, только готовясь къ воцерковленію, онъ и прилагалъ всѣ усилія могучей души своей къ наиболѣе глубокому и полному усвоенію, всестороннему воспріятію высокихъ, святыхъ идеаловъ ученія Христова.

Въ то же время и нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства способствовали воспитанію въ Іоаннѣ непоколебимаго убѣжденія въ истинѣ и святости христіанства. Такъ, еще юношею, въ своей родной Антиохіи, пришлось Іоанну быть свидѣтелемъ великаго гоненія на христіанство, поднятаго императоромъ, отступникомъ Юліаномъ. Задавшись цѣлію поднять старое язычество и унизить, подавить христіанство, Юліанъ естественно обратилъ вниманіе на великій центръ и оплотъ ненавистной для него вѣры, на Антиохію. Онъ самъ прибылъ въ Антиохію и здѣсь прежде всего явился въ нѣкогда знаменитое капище бога Аполлона. Но каково же было его негодованіе, когда онъ нашелъ капище совершенно пустымъ: императора встрѣтилъ здѣсь только одинъ старикъ, жрецъ, который въ честь высокаго посѣтителя и принесъ богу Аполлону въ жертву собственнаго гуся, такъ какъ ни богомольцевъ, ни жертвоприношеній никакихъ еще не было. А между

тѣмъ рядомъ стоявшій христіанскій храмъ, съ мощами св. мученика Вавилы, былъ переполненъ народомъ. Въ крайнемъ раздраженіи, Юліанъ распорядился возстановить въ прежней красотѣ и великолѣпніи капище Аполлона, а христіанскій храмъ закрыть и мощи изъ него удалить. Тогда христіане устроили величественную процессію торжественнаго перенесенія святыхъ мощей. Это еще болѣе озлобило Юліана, и, по его приказу, языческіе воины бросились на христіанъ, начали ихъ разгонять и избивать, ловить, подвергать пыткамъ.

Между тѣмъ, по согласному свидѣтельству историковъ, совершилось необычайное явленіе: въ эти именно часы избіенія христіанъ, въ то самое капище Аполлона, о которомъ такъ позаботился Юліанъ, ударила молнія, и оно погубило въ огнѣ. Такое чудодѣйственное проявленіе воли небесной несказанно вдохновило и одушевило христіанъ, но не образумило только Юліана. Вопреки всякой очевидности, онъ объявилъ, что то христіане сожгли храмъ Аполлона, и съ еще большею жестокостью продолжалъ звѣрства надъ ними; между прочимъ и главный въ Антиохіи храмъ христіанскій онъ закрылъ, а служившаго въ немъ престарѣлаго пресвитера, св. Теодорита, подвергъ мученической смерти. Послѣ этого Юліанъ по всей имперіи всячески преслѣдовалъ христіанъ, раззорялъ ихъ непомѣрными налогами, разрушалъ храмы, конфисковалъ ихъ имущества, избивалъ и заточалъ духовенство и т. д.; а съ другой стороны, за преданность язычеству, осыпалъ всякими милостями и наградами, открывалъ и украшалъ старыя языческія капища, повелѣлъ даже возстановить іудейскій храмъ въ Іерусалимѣ, и т. д. На стоны и жалобы христіанъ, подвергавшихся неистовствамъ отъ язычниковъ, Юліанъ отвѣчалъ извѣстною его фразою: „что за бѣда, коль десять галилеянъ погибнуть отъ руки одного язычника“! Но, какъ извѣстно, гоненіе Юліана и всѣ эти послѣднія усилія язычества окончились только бѣльшимъ еще торжествомъ и величіемъ христіанства. Къ ужасу своему, въ этомъ успѣлъ убѣдиться и самъ Юліанъ, оставшійся всетаки упорнымъ, нераскаяннымъ язычникомъ до

самой гибели своей: во время одного изъ походовъ, смертельно раненый, онъ неистовствовалъ отъ злобы, что не могъ уничтожить христіанства, и, въ безсильной ярости, бросая камнями, грязью въ солнце, при послѣднемъ издыханіи, прохрипѣлъ еще болѣе, въ исторіи извѣстную фразу его: „Ты побѣдилъ меня, Галилеянинъ“.

И вотъ все это кровавое гоненіе Юліана Златоустъ пережилъ и наблюдалъ въ возрастѣ особенно впечатлительнаго, отзывчиваго на всякое страданіе и чуткаго ко всякой несправедливости юношества. Онъ самъ перестрадалъ эти ужасные для антиохійскихъ христіанъ дни, дѣлилъ съ ними всѣ тревоги и опасенія, принималъ участіе въ погребеніи замученныхъ Юліаномъ исповѣдниковъ святой вѣры, проливалъ съ христіанами жгучія слезы надъ обезглавленными мучениками христіанскими. Все это имѣло значеніе для Іоанна могущественнѣйшей жизненной школы, въ которой росъ и укрѣплялся великій духъ этого великаго христіанина.

По окончаніи ученія, Іоаннъ принялъ на себя званіе и обязанности адвоката. Въ то время это была самая модная и выгодная профессія; рѣдкій юноша изъ знатныхъ, привилегированныхъ сословій не пробовалъ своихъ силъ на этомъ поприщѣ, открывавшемъ дорогу къ высшимъ должностямъ въ государствѣ, такъ какъ ораторское искусство цѣнилось тогда выше и дороже всего. Іоанну, какъ необычайно талантливому, блестящему, увлекательному оратору, адвокатство, очевидно, сулило и богатство, и славу, и блестящую служебную карьеру. Но бурный круговоротъ жизни суетной, свѣтской, съ которымъ неизбежно теперь пришлось ознакомиться Іоанну, и эти адвокатскія занятія, чаще всего въ сферѣ неправды, пороковъ и всякаго жизненнаго зла, никакъ не могли заполнить душу Іоанна и удовлетворить его. Правда, благодаря именно этимъ занятіямъ, онъ ближе и точнѣ изучилъ сердце человѣческое со стороны его отрицательныхъ сторонъ и порочныхъ склонностей, и это впослѣдствіи пригодилось Іоанну, какъ духовному врачу людской испорченности; но во всякомъ случаѣ теперь-то, вся суета

жизненная внушала ему сознательное и убѣжденное отвращеніе. Его потянуло совсѣмъ на другую дорогу, его влекло иное призваніе. Скоро объявилъ онъ матери своей, что хочетъ покинуть міръ и уйти въ монастырь. Мысль о разлукѣ съ возлюбленнымъ сыномъ превозмогла слабыя силы благочестивой Анеусы и она упросила Іоанна не покидать ее, по крайней мѣрѣ до ея кончины. „Узнавъ о моемъ намѣреніи, рассказываетъ намъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій самъ Златоустъ: матушка взяла меня за руки и залилась слезами; стала она говорить слова, которыя были жалобнѣе самыхъ слезъ. Не подвергай меня новому вдовству на свѣтѣ, говорила она: не пробуждай опять уснувшаго въ душѣ моей горя, подожди конца моего. Когда ты предашь прахъ мой землѣ, тогда иди, Господь съ тобой!—иди, куда влечетъ тебя твое призваніе! А пока я еще не перестала дышать, побудь со мною, не причиняй страданья безвинной предъ тобой твоей матери и не прогнѣви этимъ Господа!“ Какъ преданный и любящій сынъ, Іоаннъ исполнилъ волю матери, онъ не покинулъ ее и міра; но однако онъ сѣумѣлъ, и въ мірѣ живя, уйти отъ міра. Какъ разъ около того времени, принявшій святое таинство крещенія, онъ прекратилъ свою адвокатскую дѣятельность и всецѣло занялся воспитаніемъ души своей; онъ углубился въ изученіе слова Божія, проникался его духомъ и идеалами, постоянно ходилъ въ храмъ, принявъ даже на себя обязанности *чтеца*. Въ то же время и въ частной жизни своей онъ все больше и больше упражнялся въ дѣлахъ благочестія и самоотверженія, даже наложилъ на себя подвигъ *молчальничества*, т. е. по возможности полного воздержанія въ словѣ.

Іоаннъ, такимъ образомъ, постепенно отрѣшался отъ міра и текущей современности, — тѣмъ болѣе и охотнѣе отрѣшался, что эта современность была очень печальная и способна была только удручать душу всякаго честнаго патріота и истиннаго христіанина. Въ разныхъ частяхъ имперіи происходили постоянные беспорядки и возмущенія, всюду росло царство анархіи. Полководцы и вожди разноплеменнаго и разновѣрнаго въ имперіи войска нерѣдко

поднимали междоусобныя кровопролитія, колебали тронъ царскій, а иные и сами сѣли на него. Такъ, между прочимъ, достигъ трона и Юліанъ Отступникъ. Со внѣ, какъ волны, стремились на имперію такъ называемые варвары, франки, готы и гунны. Не было мира, спокойствія въ нѣдрахъ и церкви христіанской. Напримѣръ, въ Римѣ два претендента, Данилъ и Урсинъ, съ оружіемъ въ рукахъ, поднявши междоусобное кровопролитіе, оспаривали другъ у друга каѳедру римскую. Аріанство, уже осужденное на Никейскомъ соборѣ, сокрушающимъ потокомъ разливалось въ имперіи, грозя совсѣмъ затопить православіе. Сами императоры, Констанцій, а потомъ Валентъ, были аріанами; православные подвергались угнетеніямъ и кровавымъ преслѣдованіямъ. Даже и въ Антіохіи ересь такъ распространилась, что православные должны были выдерживать постоянную, такъ сказать, осадную войну; самъ православный епископъ Антіохіи, добрѣйшій старецъ Мелетій, къ которому особенно льнулъ душею Іоаннъ, неоднократно подвергался изгнанію и заточенію.

Въ столь тягостныхъ обстоятельствахъ, нѣкоторые изъ окрестныхъ, ближнихъ къ Антіохіи, епископовъ, всемѣрно защищая и отстаивая православіе, обратили вниманіе на великую силу духовную, что возростала въ личности еще юнаго чтеца Іоанна, молва о талантахъ и подвижничествѣ котораго уже распространилась въ окрестностяхъ. Не взирая на молодость Іоанна, они задумали сдѣлать его епископомъ. Слухъ объ этомъ повергъ Іоанна въ неописанное смущеніе и трепетъ. Священное служеніе церкви Божіей ему казалось столь возвышеннымъ и святымъ, что Іоаннъ и помыслить не смѣлъ о принятіи епископскаго сана. Какъ разъ съ этими волненіями и опасеніями совпало для Іоанна и тяжелое жизненное лишеніе, испытаніе: ему пришлось горько оплакивать неожиданно и рано, вовсе еще не старую, скончавшуюся мать его Анѳусу. Какъ будто Промыслъ Божій нарочито призвалъ отъ земли благочестивую душу Анѳусы, чтобы и достойный сынъ ея могъ безпрепятственно вступить на увлекавшій его, великій, и крестоносный путь. Ницѣмъ и ничѣмъ

теперь въ жизни не связанный, Іоаннъ тѣмъ охотнѣе и тѣмъ скорѣе удалился отъ міра, что приходилось опасаться даже насилія со стороны имѣвшихъ на него виды епископовъ. По крайней мѣрѣ, одного изъ самыхъ задушевныхъ друзей и товарищей Іоанна, тоже извѣстнаго своимъ благочестіемъ, юношу Василія, какъ разъ въ эти дни, именно почти насильно, рукоположили во епископа. И вотъ Іоаннъ скрылся изъ Антиохіи, скрылся тайно даже отъ этого вотъ друга своего Василія, и ушелъ въ пустыню, чтобы тамъ всецѣло и безпрепятственно посвятить себя Богу, совершенствоваться въ святой жизни.

Изъ города Антиохіи, на горизонтѣ, виднѣются въ туманѣ отроги безконечнаго хребта пустынныхъ, дикихъ горъ, изрѣзанныхъ неприступными ущельями и кой гдѣ покрытыхъ лѣсомъ. Еще съ первыхъ вѣковъ христіанства, вслѣдствіе частыхъ гоненій, многіе исповѣдники Христа уединялись въ эту неприступную горную глушь. Такъ возникло тамъ, въ разсѣлинахъ горныхъ, много мелкихъ монастырей, скитовъ, киновій. Въ одномъ изъ такихъ-то скитовъ и уединился Іоаннъ. Можно себѣ представить, какъ для него, проведшаго дѣтство въ нѣгѣ и роскоши, какъ для него тяжела была эта отшельническая жизнь! Эта жизнь была сплошной подвигъ, непрестанный трудъ и терпѣніе. Вотъ что самъ Іоаннъ разсказалъ потомъ о жизни своей въ монастырѣ. Въ полночь иноки поднимались на молитву и псалмопѣніе; предъ разсвѣтомъ немного отдыхали, а восходъ солнечный встрѣчали снова уже въ храмѣ, за утреннимъ богослуженіемъ. Затѣмъ, въ теченіе дня, четыре раза они собирались въ храмѣ на молитвословіе—въ часы третій, шестой, девятый и на вечерню. Въ промежуткахъ между богослуженіями отшельники занимались чтеніемъ и списываніемъ священныхъ книгъ, а также сами исполняли и всѣ жизненныя работы: рубили дрова, носили воду и т. д. Одеждою ихъ были кожи животныхъ и самыя грубыя ткани изъ верблюжьей шерсти, обуви они никакой не носили, спали на землѣ или на голыхъ доскахъ, питались однажды въ день, только хлѣбомъ съ водою и иногда овощами. — Въ такой-то жизни Іоаннъ провелъ цѣлыхъ четыре года.

Исполняя всѣ обязанности и общія работы, неопустительно присутствуя за богослуженіями, Іоаннъ здѣсь и тогда именно началъ свою блестящую дѣятельность литературную, богословскую. Въ эти годы онъ составилъ нѣсколько замѣчательнѣйшихъ сочиненій: такъ, прежде всего, онъ написалъ можетъ быть самое совершенное и глубокое произведеніе его пера: *Шесть словъ о священствѣ*. Здѣсь Іоаннъ, въ оправданіе своего уклоненія отъ епископскаго сана, всесторонне и необыкновенно талантливо, глубоко и убѣдительно изобразилъ величіе, святость и громадную отвѣтственность пастырскаго служенія. И доселѣ и, конечно, навсегда это сочиненіе Златоуста останется самымъ благимъ и мудрымъ, самымъ трогательнымъ и задушевымъ святоотеческимъ наставленіемъ и руководствомъ для всякаго христіанскаго пастыря. Въ монастырѣ же Іоаннъ составилъ *Три книги въ защиту монашества*. Это сочиненіе написано по случаю гоненія на монастыри и монашество, поднятаго императоромъ Валентомъ. Заразившись аріанствомъ, Валентъ увидѣлъ въ монахахъ самый твердый оплотъ православія, а потому и велѣлъ брать ихъ въ солдаты, заключать въ тюрьмы. Такая политика императора - аріанина находила себѣ одобреніе въ части и вообще свѣтскаго общества; подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, того же аріанства, возникали тогда мнѣнія и споры о цѣли и значеніи вообще монашества, съ разныхъ сторонъ раздавались голоса объ уничтоженіи монастырей. По тому же поводу и съ подобнымъ содержаніемъ Іоаннъ написалъ книгу *Сравненіе инока съ царемъ*. Въ этомъ сочиненіи, которое явилось отголоскомъ личныхъ впечатлѣній самого Іоанна и его увлеченія иноческой жизнью, онъ доказываетъ, что жизнь монаха возвышеннѣе и счастливѣе всякаго другого званія и положенія, даже лучше царской жизни. „Есть ли на землѣ существованіе выше иноческаго?“ спрашиваетъ здѣсь Златоустъ. И съ великимъ одушевленіемъ отвѣчаетъ: „Нѣтъ! нѣтъ,— не исключая даже и царской жизни. Вѣдь и царь не себѣ принадлежитъ, а своимъ подданнымъ; тысячи обязанностей отвлекаютъ его отъ себя, тысячи тревогъ мучаютъ его, ты-

сячи искушеній подвергаютъ его соблазнамъ, паденіямъ. Только инокъ свободенъ отъ суетныхъ интересовъ, поглощающихъ всю жизнь всѣхъ другихъ людей. Безъ родства, безъ семейства, безъ имущества, инокъ живетъ только для Бога да для спасенія души своей!“ и т. д. Сохранилось также много писемъ Іоанна, написанныхъ имъ изъ монастырскаго уединенія къ прежнимъ свѣтскимъ его друзьямъ, писемъ, представляющихъ цѣлые трактаты на разныя богословскія темы. Напр. извѣстно большое письмо Златоуста къ Стелевію, въ которомъ Іоаннъ знакомитъ друзей съ своей новой жизнью; какъ и въ вышеуказанныхъ сочиненіяхъ, горячо изображаетъ преимущества и благодатныя свойства монашества. Не менѣе извѣстно глубоко содержательное письмо къ Димитрію, гдѣ Іоаннъ старается возбудить и поддержать въ сердцахъ друзей своихъ непрестанное и пламенное стремленіе къ высокому идеалу христіанской жизни, изложенному Спасителемъ въ нагорной проповѣди, но такъ въ жизни поруганному и извращенному.

Съ бодрой энергіей и пламеннымъ одушевленіемъ, всѣмъ сердцемъ отдавшись подвижничеству, Іоаннъ не удовольствовался даже и монастырскою жизнію; послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ монастырѣ, онъ ушелъ въ горы еще дальше и глубже, удалился въ полное уединеніе. Въ недоступной глуши, въ глубинѣ дикихъ скалистыхъ горъ, Іоаннъ отыскалъ глубокую пещеру и въ ней остался, подвергая себя всей ужасающей безпомощности и беззащитности полного отшельника отъ міра и людей, анахорета. И здѣсь-то, не слыша голоса человѣческаго, подвергая себя для насъ даже и невообразимымъ лишениямъ и подвигамъ, питаясь только злаками и кореньями, что можно было найти около, въ горахъ, Іоаннъ провелъ еще два года въ непрестанной молитвѣ, въ одинокихъ размышленіяхъ.—Эго шестилѣтнее подвижничество, богомысліе и самоуглубленіе доставили Іоанну несравненное знаніе Слова Божія, непоколебимое убѣжденіе въ истинѣ христіанства и поразительно глубокое, проникновенное знаніе человѣческаго сердца. Все это было высшею и для

величайшихъ міровыхъ дѣятелей развѣ немногимъ единицамъ доступною школою, которая воспитала челоуѣчеству Златоуста, этого необычайнаго сердцеуѣдца, всемоушчаго нравственнаго вождя, истиннаго властителя дуушъ и сердцеу челоуѣческихъ.

Возможно, что Иоаннъ такъ и схоронилъ бы себя въ его каменномъ гробѣ, такъ бы и остался сокрытымъ, невѣдомымъ міру; но Богу угодно было этотъ преукрашенный и природными дарованиями, и просвѣтленный высшимъ вѣдѣніемъ, и очищенный въ горнилѣ невѣроятнаго подвижничества, яркій свѣточъ для всего челоуѣчества открыть, явить міру. Невообразимо тяжкіе подвиги и лишения сломили здоровье Иоанна; онъ дошелъ до крайняго тѣлеснаго изнеможенія. Отъ ненормальнаго питанія желудка его былъ совершенно ослабленъ, а отъ вѣчной сырости въ пещерѣ оконечности рукъ и ногъ не только нестерпимо ломили, а даже начали приходиться въ параличное состояніе. Такимъ образомъ, Иоаннъ вынужденъ былъ разстаться въ глазахъ его съ счастливѣйшею, равноангельскою, отшельническою жизнью. Въ концѣ 380 года Иоаннъ возвратился въ свою родную Антиохію.

Здѣсь, въ нормальныхъ условіяхъ жизни, силы молодого организма быстро стали возобновляться, и Иоаннъ скоро выздоровѣлъ. Какъ ни увлеченъ былъ онъ отшельническою жизнью, но, предусматривая новые пути Промысла Божія въ своей судьбѣ, онъ уже не вернулся въ пустыню. При видѣ забытаго-было имъ многолюднаго города, понялъ онъ, что у христіанина, помимо обязанностей его къ Богу и себѣ самому, есть еще обязанности и въ отношеніи къ ближнимъ. Не даромъ еще и ранѣе, въ сочиненіяхъ своихъ о монашествѣ, онъ писалъ, что пустыня не должна отвлекать отъ міра всѣхъ лучшихъ людей, чтобы не лишать массу народную благотворнаго ихъ вліянія,—что не только живущіе въ городахъ не должны всѣ устремляться въ горы, а наоборотъ, и отшельники изъ горъ должны возвращаться въ города, чтобы своимъ вліяніемъ ограничивать въ нихъ господство зла и пороковъ. Иоаннъ понялъ теперь, что есть для христіанина не

менѣ важный и не болѣе легкій подвигъ, кромѣ заботъ о себѣ самомъ: подвигъ самоотверженія, ради другихъ, на благо близкихъ своихъ. И отселѣ Іоаннъ безповоротно вступилъ на путь этого новаго подвига — служенія людямъ. Путь этотъ привелъ его къ горшимъ страданіямъ, завершившимся для него даже мученичествомъ; но зато новый подвигъ Іоанна принесъ неизмѣримую, безцѣнную пользу для всего міра христіанскаго и создалъ, навѣки возвеличилъ и прославилъ имя Зластоуста.

Со страхомъ нѣкогда бѣжавшій отъ высокаго и почетнаго сана епископскаго, Іоаннъ съ благоговѣйной покорностью принялъ теперь предложенный ему мѣстнымъ епископомъ, благочестивымъ Мелетіемъ, скромный санъ *діакона* антиохійской церкви. И цѣлыхъ пять слѣдующихъ лѣтъ прослужилъ Іоаннъ въ этомъ санѣ, ревностно и самоотверженно исполняя связанныя съ нимъ обязанности: ежедневно онъ участвовалъ въ богослуженіяхъ, наблюдалъ за порядкомъ въ храмѣ, за благочиніемъ въ церковныхъ собраніяхъ, а что особенно требовало неусыпныхъ заботъ и трудовъ—онъ завѣдовалъ очень важнымъ, отвѣтственнымъ дѣломъ церковной благотворительности. То есть, Іоаннъ отыскивалъ и посѣщалъ бѣдныхъ, больныхъ, облегчалъ положеніе всѣхъ несчастныхъ. оказывалъ личныя услуги и матеріальную помощь всѣмъ нуждающимся. И эта благородная и особенно Богомъ благословенная, дѣятельность благотворительная явилась важнымъ вкладомъ, существеннымъ восполненіемъ въ общую сумму нравственнаго воспитанія и духовнаго совершенствованія великой личности Іоанна. Дѣло въ томъ, что уединеніе, въ которомъ такъ долго предъ тѣмъ онъ пребывалъ, могло собрать всѣ помыслы и чувства его только на заботѣ о собственномъ спасеніи и до нѣкоторой степени потушить въ его душѣ святой огонекъ любви къ людямъ, охладить вообще теплоту его прекраснаго сердца, отзывчивость его на страданія и нужды ближнихъ. Вѣдь ближніе и ихъ несчастья такъ легко и естественно забываются, когда не видишь ни тѣхъ, ни другихъ. И вотъ діаконство снова развернуло предъ взорами Іоанна картину

бѣдствій и страданій людскихъ. Видѣть страданія другихъ, конечно, и тягостно и непріятно, но пока существуютъ страданія на землѣ, видѣть ихъ всегда полезно и поучительно для всякаго даже и зауряднаго человѣка. Горе и слезы другихъ пробиваютъ наше равнодушіе и безчувственность, поднимаютъ въ глубинѣ даже очерствѣвшей души добряя движенія, благородные порывы, размягчаютъ, оживляютъ сердце, дѣлаютъ его способнымъ на жертву и на самоотверженіе. А ужъ нечего и говорить, какъ это, широко раскрывшесся предъ Іоанномъ зрѣлище страданій людскихъ, какъ оно дѣйствовало на чуткую его душу! Во всякомъ случаѣ, извѣстно, что самыя первыя лепты, которыя діаконъ Іоаннъ отдалъ немущимъ и бѣдствующимъ, были остатки его собственнаго имущества. И съ этой поры, онъ, хотя занималъ потомъ, какъ говорится въ общезитіи, доходныя должности и могъ бы, при желаніи, накопить цѣлыя богатства, но, какъ и прежде, во время отшельничества своего, такъ и теперь, на этихъ должностяхъ, онъ уже никогда и ничего не имѣлъ, ничего себѣ не оставлялъ, все свое отдавалъ бѣднымъ, самъ оставаясь вѣчно первымъ, самымъ крайнимъ бѣднякомъ,

Среди непрестанныхъ и ревностныхъ трудовъ, Іоаннъ, не имѣвшій пока права, какъ діаконъ, проповѣдывать, находилъ досугъ и возможность помогать нуждающимся въ ободреніи, утѣшеніи и назиданіи—своими писаніями. Такъ, онъ составилъ *Три книги о Провидѣніи*,—это сочиненіе написано было Іоанномъ для одного изъ его друзей (Стагира), находившагося въ состояніи тяжкаго духовнаго угнетенія, и заключаетъ въ себѣ обширный, обстоятельный трактъ богословскій о значеніи скорбей и страданій, допускаемыхъ Божественнымъ промысломъ въ жизни человѣка. Затѣмъ, Іоаннъ написалъ *Книгу утѣшеній молодой вдовѣ*, лишившейся своего любимаго мужа. Эта книга, какъ еще болѣе—слѣдующая книга, написанная тогда Іоанномъ, *О двѣсти*, суть общеизвѣстные въ святоотеческой литературѣ прекрасные, восторженные, можно сказать, гимны, восхваляющіе достоинства и цѣну

цѣломудреннаго вдовства и дѣвства въ христіанствѣ. Тогда же Іоаннъ составилъ большое полемическое сочиненіе—*Книгу о св. Вавилѣ, противъ Юліана и язычниковъ*, гдѣ краснорѣчиво разсказана исторія священномученика Вавилы, бывшаго епископа антиохійскаго, и, по личнымъ воспоминаніямъ самого Іоанна, передана исторія вышеупомянутаго гоненія на христіанъ въ Антиохіи, поднятаго Юліаномъ.

Въ 386 году, Іоаннъ, уже приближавшійся къ сорокалѣтнему возрасту, былъ рукоположенъ въ санъ *пресвитера*. Въ ту пору, въ Антиохіи, между пресвитерами, были раздѣлены ихъ сложныя обязанности: одни по преимуществу заняты были совершеніемъ богослуженій, другіе—требоисправленіемъ, третьи—проповѣдью слова Божія. Іоанну, какъ уже извѣстному, даровитому оратору, назначена была именно послѣдняя обязанность. И вотъ отселѣ широко развернулась проповѣдническая дѣятельность Іоанна, доставившая ему всемірную славу и вѣковѣчную извѣстность. Проповѣданіе было истиннымъ призваніемъ Іоанна, самою дорогою, близкою для его сердца дѣятельностью. Съ неутомимою энергіею отдался Іоаннъ новому своему дѣлу, и съ кафедры соборнаго антиохійскаго храма поистинѣ многоводнымъ, грандіознымъ, могучимъ потокомъ полилось его вдохновенное слово, запечатлѣнное духомъ апостольской ревности и силы. Іоаннъ произносилъ проповѣди во всѣ праздничные, воскресные и субботніе дни, и сверхъ того еще два въ недѣлю; иногда онъ говорилъ по два раза въ день, за утреннимъ и вечернимъ богослуженіями; то предупреждалъ онъ своихъ слушателей, что въ такой-то день будетъ бесѣдовать съ ними раннимъ утромъ, чтобы ни зной, ни хлопоты житейскіе не препятствовали имъ явиться въ храмъ, а то, съ другой стороны, бывало, что и ночь заставляла его на кафедрѣ. Иногда проповѣдывалъ онъ нѣсколько дней сряду, занятый раскрытіемъ какой нибудь одной истины. Часто приходилось говорить ему проповѣди по порученію своего епископа, притомъ порученію внезапному, а иногда даже приходилось заканчивать рѣчь, ра-

нѣе уже начатую самимъ епископомъ; нерѣдко также получалъ онъ внезапныя приглашенія проповѣдывать тамъ или здѣсь. Ему некогда было не только готовить или писать свои проповѣди, а часто не было возможности хоть сколько нибудь заранѣе обдумывать ихъ, такъ что его рѣчи въ большинствѣ случаевъ суть чистыя импровизаціи. Нерѣдко мимолетный случай, впечатлѣніе минуты, давали Іоанну темы для проповѣдей. Вотъ напр., однажды зимою идетъ онъ въ церковь; случайно вниманіе его привлекли на себя оборванные, перезыбшіе бѣдняки, нищіе,—и Іоаннъ, взойдя на кафедру, начинаетъ: „хочу нынѣ говорить съ вами о предметѣ очень важномъ и близко насъ касающемся. Сейчасъ видѣлъ я жалкихъ бѣдняковъ, едва прикрытыхъ рубищами, и съ моей стороны было бы преступленіемъ, жестокостью, еслибы я не сталъ говорить съ вами о состраданіи, челоуѣколюбіи“ и т. д. — полилась рѣчь на эту тему. Или вотъ, на примѣръ, уже во время начатой проповѣди, Іоаннъ замѣтилъ, что вниманіе слушателей его было случайно отвлечено зажиганіемъ свѣчей въ церкви, и онъ дѣлаетъ переходъ въ словѣ своемъ: „всѣ усилія мои я устремляю къ тому, чтобы возжечь въ сердцахъ вашихъ свѣтъ слова Божія; но вотъ простые свѣтильники больше привлекаютъ къ себѣ ваше вниманіе. Что же важнѣе и что нужнѣе намъ—свѣтъ ли духовнаго вѣдѣнія, или свѣтъ вещественныхъ свѣчей?“ И — пошла рѣчь на эту неожиданную и ужъ конечно не предусмотрѣнную тему. И т. д.

До насъ дошли, сохранились сотни бесѣдъ и поученій Іоанна Златоуста, самаго разнообразнаго содержанія: догматическія, изъясняющія основные догматы христіанскаго вѣроученія, экзегетическія, изъясняющія послѣдовательно многія священныя книги Библии святой, назидательно-нравоучительныя, обличительныя, полемическія, надгробныя, похвальные, въ честь св. угодниковъ Божіихъ и на многіе различные случаи пастырской практики проповѣдника. Но все это только часть произнесенныхъ Златоустомъ всѣхъ его проповѣдей. За восемнад-

цать лѣтъ его священнослуженія въ Антиохіи, а потомъ въ Константинополь, онъ произнесъ неисчислимое множество проповѣдей; но не всегда же и не все, имъ сказанное, записано было за нимъ другими, а изъ записаннаго далеко не все сохранилось до насъ.

Проповѣди Златоуста, по богатству содержанія, силѣ одушевляющаго ихъ чувства, захватывающей искренности и задушевности тона, по необычайной простотѣ и доступности изложенія, а въ то же время и поразительной энергіи слова, красотѣ, живости, образности языка, по силѣ, наконецъ, неотразимаго вліянія на слушателей,—суть несравненные перлы церковнаго ораторства, вѣчные образцы для подражанія, въ своемъ родѣ верхъ совершенства. Даръ краснорѣчія въ то время цѣнился выше всякихъ другихъ талантовъ человѣка: ораторы, въ родѣ Ливанія, пользовались у современниковъ особеннымъ уваженіемъ и вниманіемъ. Но языческое краснорѣчіе ораторовъ, изъ школы Ливанія, вырождалось уже въ напыщенную софистику, въ болѣе или менѣе эффектную игру громкими фразами, искусственными оборотами рѣчи, трескучими, звонкими словами, что могло тѣшить и услаждать слухъ, не захватывая, не трогая сердца. И вотъ теперь въ устахъ Златоуста зазвучало совсѣмъ иное краснорѣчіе, въ высокой степени простое по внѣшности, но полное великой силы внутренней, одухотворенное неотразимой убѣжденностью вѣрующей, святой души оратора и согрѣтое тепломъ его сердечнаго огня. Рѣшительно избѣгая всякой искусственности въ словѣ, отнюдь не гоняясь за внѣшней красотой фразы, Златоустъ поражалъ необычайной теплотой, сердечностью и жизненностью своихъ рѣчей. Каждая мысль его, всякое слово дышатъ силой и, такъ сказать, бьютъ жизнью, потому что брались они проповѣдникомъ изъ жизни, дѣйствительности и пояснялись для всѣхъ извѣстными, очевидными, а потому и неотразимо убѣдительными примѣрами, сравненіями, сопоставленіями. Такого краснорѣчія, чуждаго изысканности, но полного души, сердца и, такъ сказать, завораживающаго сердца, еще не слыхивали въ Антиохіи, и толпы народа

съ изумленіемъ и восхищеніемъ внимали вдохновеннымъ рѣчамъ Іоанна. Въ храмы, гдѣ онъ служилъ и проповѣдывалъ, устремлялись скорописцы, ловили и записывали всѣ слова его, а потомъ продавали и распространяли ихъ въ народѣ. Въ городѣ изъ устъ въ уста передавались мысли изъ проповѣдей Златоуста; сплошь и рядомъ, какъ послѣдняя новость, сообщалось и обсуждалось, что сказалъ Златоустъ. Проповѣди его читались въ собраніяхъ, за пиршествами, на торжищахъ, а многіе заучивали ихъ наизусть. Молва о необыкновенномъ, изумительномъ проповѣдникѣ, распространилась широко и внѣ Ангіохіи, можно сказать, по всему христіанскому міру. Изъ другихъ городовъ, областей, странъ стекались слушатели къ каѳедрѣ Іоанна. Еретики, іудеи и язычники интересовались православнымъ проповѣдникомъ и часто и во множествѣ приходили въ храмъ, слушали Іоанна.

И вліяніе рѣчей Іоанна на толпу народную было могучее, необычайное, почти чудодѣйственное. Часто, подъ впечатлѣніемъ его обличеній, стоны и рыданія оглашали храмъ; слушатели плакали, падали ницъ, разрывали свои одежды, били себя въ перси въ мукахъ покаянія и раскаянія. А еще того чаще слушатели, восхищенные Іоанномъ, по тогдашнему обыкновенію, занесенному въ храмы изъ театровъ, шумно, неистово рукоплескали, аплодировали проповѣднику, что, впрочемъ, онъ тотчасъ же останавливалъ и что многократно горячо осуждалъ. Іоаннъ сталъ великимъ любимцемъ народа; всѣ съ восхищеніемъ на него смотрѣли, его чтили, въ сладость и удовольствіе его слушали, старались не пропускать его бесѣдъ, а во время проповѣди боялись проронить хотя единое его слово. Антіохійцы не знали, какъ и чѣмъ выразить свое удивленіе и расположеніе къ Іоанну; не знали, какъ и возвеличить, какъ назвать его: называли его Божіими устами, словесами Христовыми, Павловыми устами, называли златословеснымъ, сладкозвучнымъ, медорѣчивымъ, златоглаголивимъ и т. п.; но въ концѣ концовъ гласъ народа, какъ гласъ Божій, усвоилъ ему наименованіе Златоуста, съ каковымъ именемъ онъ и остался навѣки. По

преданію, имя это впервые произнесено было въ храмѣ одною женщиною: съ благоговѣйнымъ вниманіемъ слушая проповѣдь Іоанна, она чего-то въ ней не поняла и, какъ бы въ забытьи, всецѣло охваченная дивною гармоніею словъ его, воскликнула: „учитель духовный, Іоаннъ Златоустъ! Ты очень углубилъ мудрость твоихъ словъ, и умъ мой не можетъ постигнуть ихъ“. Эти слова были признаны какъ бы произнесенными по внушенію Божію, и отсель великій проповѣдникъ сталъ общеизвѣстенъ подъ именемъ Златоуста.

Случилось въ жизни Антиохіи, между прочимъ, одно событіе, которое еще болѣе распространило популярность и подняло нравственный авторитетъ Іоанна Златоуста. По поводу особенныхъ политическихъ торжествъ, въ честь десятилѣтія царствованія императора Θεодосія и пятилѣтія наслѣдника престола, Аркадія, въ званіи августа, а также и на военныя потребности страны, объявленъ былъ довольно тяжелый налогъ на жителей Антиохіи. Послѣднимъ это очень не понравилось, послышался ропоть. Такимъ настроеніемъ общества воспользовались темныя личности, облѣнившіеся подонки населенія, искатели приключеній и мятежные, бездѣльные люди, какихъ всегда и вездѣ въ большихъ городахъ,⁴ а тогда и въ Антиохіи, особенно было много. Толпы этого сброда, поддержанныя возбужденной массой мирныхъ жителей Антиохіи, и произвели цѣлый бунтъ: разрушены были нѣкоторыя общественныя зданія, повалены и разбиты статуи императора и членовъ царствующаго дома. Но скоро обезумѣвшій народъ пришелъ въ себя, и всѣми овладѣлъ страхъ, въ ожиданіи наказанія. Подобныя преступленія противъ императорской чести въ ту пору карались самымъ жестокимъ, беспощаднымъ образомъ. Всѣмъ казались совершенно правдоподобными и вѣроятными слухи, уже летавшіе въ городѣ, что жители Антиохіи будутъ поголовно изгнаны, а многіе казнены, что городъ подвергнется разрушенію и даже самое мѣсто его будетъ распахано. Всѣ темные и скрытые вожди и руководители мятежа, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, скрылись, и жители безо-

мощно предавались отчаянію. Мрачное безмолвіе овладѣло городомъ. Всѣ общественныя и увеселительныя мѣста, какъ театры, циркъ, бани (имѣвшія тогда значеніе теперешнихъ клубовъ), были закрыты, и только церковь Христова отверзла свои объятія падшему духомъ народу. Послѣдній кинулся въ храмы, вымаливая себѣ у Всевышняго прощеніе и спасеніе въ постигшемъ городѣ несчастіи. А между тѣмъ уже начался судъ, разслѣдованіе, жители уже стали подвергаться изгнанію, пыткамъ и казнямъ.

И вотъ тогда-то яркимъ свѣтомъ заблестала геніальная мощь Златоустовскаго краснорѣчія. Въ этомъ царствѣ паники раздался мужественный и ободряющій голосъ великаго проповѣдника. Златоустъ воспользовался этими страшными днями для своихъ пастырскихъ цѣлей и въ то же время оказалъ безцѣнные услуги родному городу и всѣмъ его жителямъ. Златоустъ произнесъ цѣлый рядъ бесѣдъ къ народу, по поводу переживаемыхъ событій. Яркими чертами и съ потрясающей силой слова, обрисовалъ онъ мрачную картину несчастнаго города, когда жители бросали свое достояніе и искали спасенія въ бѣгствѣ, когда каждый боялся за всякій слѣдующій свой часъ, когда ужасъ порождалъ самыя мрачныя предчувствія, создавалъ самыя нелѣпыя слухи и вѣсти. „Что сказать и о чемъ теперь можно говорить?“ такъ началъ Златоустъ: теперь время слезъ, а не рѣчей, рыданій, а не словъ, молитвы, а не разглагольствій. Содѣянное такъ ужасно, рана такъ мучительна и неизлечима, что только высшая небесная сила въ состояніи помочь намъ. Мой голосъ прерывается отъ плача, рыданія препятствуютъ моему слову. Я и не пытался бы говорить, но кто же разгонитъ мракъ печали нашей и что освѣтитъ помутившіяся мысли наши?! Приникнемъ слухомъ и сердца нашими къ ученію Господню. Мы прежде всегда приходили сюда съ радостью; возложимъ же и теперь печаль нашу на Господа. Не отвергнемся отъ Него въ дни скорби нашей, и Онъ не отвергнетъ отъ себя насъ горестныхъ,—Онъ приметъ насъ подъ свой покровъ, Онъ возвратитъ намъ покой, Онъ плачь нашъ премѣнитъ въ радость!.... Не будемъ же

унывать, не будем плакать и страшиться: Тотъ. Кто кровь свою пролилъ за насъ, не откажетъ намъ и теперь въ спасеніи!“ Слова любви состраждающей и надежды свѣтлой встрѣтили горячій откликъ въ подавленныхъ уныніемъ и отчаяніемъ сердцахъ. Ужасъ и безнадежность смѣнились болѣе тихой и сознательной печалью и сокрушеніемъ. Златоустъ всецѣло овладѣлъ душами смятеннаго народа; онъ собралъ растерянные мысли своихъ пасомыхъ, умиротворилъ и образумилъ народъ. Онъ извлекалъ искреннѣйшія слезы раскаянія въ содѣянномъ преступленіи и во всѣхъ вообще грѣхахъ и порокахъ; а съ другой стороны, онъ сумѣлъ ободрить народъ надеждой на защиту небесную и на милость царскую. Златоустъ воодушевилъ народъ, поднялъ въ немъ, воспользовавшись такимъ случаемъ, самое благостное, христіанское настроеніе. Къстати наступилъ великій постъ. Антіохійцы цѣлыя недѣли только и жили отрадой церковной, только и ждали и жаждали услышать энергичную, могучую и ободряющую рѣчь Златоуста, только въ немъ видѣли своего великаго отца, утѣшителя и друга. А между тѣмъ престарѣлый епископъ антіохійскій Флавіанъ отправился съ трогательною рѣчью, составленною Златоустомъ же, въ Константинополь, къ императору Θεодосію, вымаливать прошеніе преступнымъ антіохійцамъ.

Очень большая, эта рѣчь къ императору есть прекраснѣйшій образецъ мощи, силы и убѣдительности чело­веческаго слова. Трудно даже выбрать, такъ сказать, на­показъ, какія либо мѣста изъ нея. вся она—прелесть, совершенство. Вспомнивши многія благодѣянія, оказан­ныя Θεодосіемъ антіохійцамъ, епископъ Флавіанъ, сло­вами Златоуста, между прочимъ говоритъ царю: „мы прогнѣвали тебя, государя милостиваго, отца нѣжнаго; но мы и страдаемъ ужасно! На солнце смотрѣтъ намъ стыдно, слезы позора жгутъ и мрачатъ наши очи.... Но есть, государь, врачество и для нашихъ ранъ. Нѣкогда Богъ, сотворивши чело­вѣка, рай даровалъ ему; но, завистью діавола, чело­вѣкъ погубилъ свой рай и оскорбилъ своего Создателя. А Богъ, въ милости безмѣрной, про-

стиль челоѡѡка и вмѣсто рая земного отверзъ намъ царство небесное. Поступи, христоролюбивый государь, и ты такъ же! Не казни насъ и города нашего, и тѣмъ не исполняй желанія демоновъ, которые подвигли насъ на преступленіе, а покрой грѣхъ нашъ твоей любовью, уподобляясь милостивому Богу!... Не мы только одни просимъ за себя, все христіанство за насъ просить тебя; ибо вселенная вся ждетъ твоего рѣшенія. Услыша твой судъ милостивый, и елліны, и іудеи, и варвары воскликнуть: какая чудная сила въ вѣрѣ христіанской! Какъ великъ Богъ христіанъ, преодолювающій естество челоѡѡческое и оскорбленнаго челоѡѡка дѣлающій беззлобнымъ ангеломъ!... Казнить и наказывать легко и всѣмъ свойственно, но щадить и миловать обидчиковъ — это даръ избранниковъ Божіихъ.... Я пришелъ къ тебѣ, государь, не отъ антиохійцевъ только: самъ Господь меня, своего слугу, посылаетъ къ тебѣ, чтобы напомнить благородному сердцу твоему святое обѣтованіе: *еще отпущаете челоѡѡкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный.* Вспомни же нынѣ, государь, твой послѣдній день и омой симъ добрымъ дѣломъ твои челоѡѡческія согрѣшенія! Не со златомъ и дарами припадаю я къ тебѣ, я пришелъ къ величеству твоему съ закономъ Господнимъ и умоляю тебя: подражай Господу Твоему, Который и оскорбляемый нами безмѣрно благъ и милостивъ къ намъ! Не постыди же насъ въ надеждѣ нашей, не отвергни мольбы нашей!“....

И мольбы увѣнчались успѣхомъ. Глубоко растроганный, добрый и мудрый императоръ Феодосій, выслушавъ рѣчь, только отвѣтилъ: „если самъ Господь нашъ былъ распятъ облагодѣтельствованными Имъ рабами Своими, и распинаемый, молился за своихъ распинателей, то какъ я, челоѡѡкъ, могу не простить подобнымъ мнѣ челоѡѡкамъ?“ Онъ даровалъ Антиохіи полное прощеніе и даже поторопилъ Флавіана скорѣе вернуться въ городъ свой и успокоить мучимыхъ опасеніями жителей его. Флавіанъ возвратился какъ разъ къ пасхѣ и принесъ антиохійцамъ сугубо свѣтлую, радостную вѣсть о прощеніи. Такимъ образомъ, увѣренія и ободренія Златоуста исполнились

и, благодаря главнымъ образомъ его краснорѣчивому слову-моленію предъ императоромъ, страшная гроза миновала. Это было величайшимъ торжествомъ Златоуста. Даже язычники, въ общемъ страхѣ ходившіе слушать Златоуста и теперь убѣдившіеся какъ бы въ чудодѣйственной его силѣ духовной, массами принимали отъ него святое крещеніе и дѣлались христіанами.

Болѣе одиннадцати лѣтъ священствовалъ Златоустъ въ Антіохіи. Въ несчетной массѣ словъ, здѣсь съ церковнаго амвона имъ произнесенныхъ, онъ изъяснилъ многія книги св. писанія, обличалъ и ниспровергалъ возникавшія тогда ереси и расколы церковныя, больше же всего исправлялъ поведеніе, поднималъ нравственность антиохійскихъ христіанъ. Особенно въ этомъ отношеніи замѣчательны, сильны и трогательны его многочисленныя проповѣди напр. противъ религіозно-нравственнаго легкомыслія, маловѣрія и суевѣрій, противъ роскоши и моды, противъ зрѣлищъ, театровъ, цирковъ, въ защиту рабовъ, бѣдныхъ и больныхъ отъ жестокосердаго къ нимъ отношенія, и т. д. Въ Антіохіи Златоустъ провелъ цвѣтушіе, лучшіе годы своей жизни. И не смотря на неусыпные труды, постоянное напряженіе, при строго аскетической жизни, это были самые счастливые его годы. Онъ испытывалъ высокое чувство нравственнаго удовлетворенія, видя и зная, что труды и усилія его не пропадаютъ даромъ, что паства его любила, слушала и по крайней мѣрѣ хотѣла его слушаться. Въ самомъ дѣлѣ, установилось живое взаимообщеніе и, можно сказать, идеальныя отношенія этого идеальнаго пастыря къ его пасомымъ. Златоустъ буквально покорилъ сердце народа, и это сердце незримыми, но могучими узами нравственными было привязано, влеклось и тяготѣло къ обаятельной личности Златоуста. Тѣснѣйшая душевная связь и искренняя сердечная любовь народная къ Златоусту представляла величественное и трогательное явленіе. Народъ буквально тосковалъ по Златоусту, покоя и радости лишался, когда, по нездоровью или вслѣдствіе отлучки Златоуста, долго не видѣлъ и не слышалъ его. Появленіе же Златоуста на

каедрѣ, послѣ хотя бы краткой разлуки, вызывало бурное движеніе въ народѣ: неудержимыя восклицанія, клики радости и восторга, какъ общій вздохъ изъ груди народной, оглашали своды храма.

Такая любовь народа не могла не отзываться въ благороднѣйшемъ и любвеобильномъ сердцѣ великаго учителя. И онъ, не только какъ пастырь, страдалъ, болѣлъ, мучился недугами и горестями своихъ пасомыхъ, но просто, какъ человѣкъ, полный состраданія, любви и благорасположенія къ своимъ слушателямъ, способенъ былъ о нихъ скучать, тосковать, плакать. „Всего на одинъ день я покидалъ васъ, говоритъ напр. Златоустъ по возвращеніи изъ какой-то маленькой поѣздки: а ужъ мнѣ казалось, что словно годъ цѣлый не вижу васъ,—такъ мнѣ было печально и скучно вдали отъ васъ“. „Всего больше мучила меня, говоритъ Златоустъ въ другой разъ, оправившись отъ болѣзни, разлука съ вами, мои возлюбленные! Вѣдь мнѣ здоровья моего дороже любовь ваша“. Однажды Златоустъ занемогъ отъ переутомленія и рѣшился на нѣсколько дней уѣхать изъ Антиохіи, отдохнуть въ одномъ горномъ монастырѣ; но пасомые засыпали его письмами, въ которыхъ умоляли не покидать ихъ на долго, скорѣе вернуться къ нимъ. И Златоустъ вернулся. „Итакъ, вы помните меня? началъ онъ появившись на каедрѣ: ни на мгновеніе и я не могъ позабыть васъ. Я вспоминалъ ревность вашу къ бесѣдамъ моимъ, любовь вашу къ проповѣди, благоволеніе ваше къ проповѣдающему, я вообще созерцалъ все добро, васъ отличающее, и это облегчало тоску моею разлуки съ вами. Сидя и стоя, въ покоѣ и въ движеніи, дома и внѣ его, вездѣ и всегда преслѣдовали меня эти мысли о васъ. Даже во снѣ, ночью, какъ и въ теченіе дня, я питался сладостью воспоминаній о васъ. Я не могъ противостоятъ просьбамъ вашимъ; я предпочелъ лучше не выздоровѣвши возвратиться къ вамъ, нежели, ожидая выздоровленія, томиться тоскою по любви вашей. И вотъ я всталъ и пришелъ къ вамъ“. Какою также неподдѣльною искренностью, какой могучею силой любви христіанской дышетъ, на примѣръ, слѣдующее обращеніе Златоуста къ пасомымъ: „я ношу васъ въ сердцѣ

своемъ, вы занимаете всѣ помыслы мои. Много васъ, великъ народъ, но велика и любовь моя, и никому не будетъ тѣсно въ душѣ моей. У меня нѣтъ другой жизни, кромѣ васъ, нѣтъ и иныхъ заботъ, кромѣ заботы о вашемъ спасеніи“!

И народъ, повторяю, платилъ пламенной любовью своему великому и любвеобильному пастырю. Народъ смиренно и покорно выслушивалъ отъ него грозныя прещенія, жестокія слова укоровъ и обличеній. А въдь прещеній-то и обличеній гораздо больше раздавалось съ кафедръ. Легкомысліе, непостоянство въ добрѣ, порочность антиохійцевъ, такъ часто вызывали съ устъ Златоуста громы праведнаго его негодованія, гнѣва. „Я не желаю вашихъ рукоплесканій, я не хочу этого шума! энергично взываетъ, напр., Златоустъ: я требую, чтобы въ безмолвіи вы слушали меня и къ жизни примѣняли мои наставленія,—вотъ какой похвалы мнѣ нужно! Вы не въ театрѣ и я не актеръ: здѣсь школа духовная“, и т. д. „Что же это такое? взываетъ, напр., Златоустъ въ другой разъ: церковъ дѣлають театромъ! Сюда приходятъ женщины съ неприличіемъ и безстыдствомъ разодѣтыя; а за ними идутъ сюда же безстыдники. Кажется, для соблазна женщины мѣста не находятъ болѣе удобнаго, какъ церковъ! Здѣсь же продають и покупають—удобнѣе, чѣмъ на площади: здѣсь же сплетничаютъ, новости разносятъ! Терпимо ли это? Возможно ли сносить это?! Я каждодневно здѣсь утомляюсь, терзаюсь изъ за того, чтобы вамъ пользу принести, а вы съ бѣльшимъ вредомъ уходите отсюда“. И т. д. Такія и имъ подобныя грозныя, суровыя рѣчи, поистинѣ власть имущаго отца духовнаго, постоянно раздавались изъ устъ Златоуста. И находились люди, неисправимо легкомысленные, безнадежно пустые и непробудно безсовѣстные, которые злобились на Златоуста за эти его обличенія, поносили его и злословили; но такихъ было немного, въ громаднѣйшемъ большинствѣ слушатели неизмѣнно любили Златоуста, такъ какъ и въ рѣзкихъ, суровыхъ словахъ его видѣли искренность и теплоту души, сердцемъ чужали и улавливали господствующій тонъ любви во всѣхъ и всякихъ рѣчахъ Златоуста.

СВЯТИТЕЛЬ
ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЬ*),

Слава великаго проповѣдника, необыкновеннаго оратора выступила далеко за предѣлы антиохійской церкви и все больше и громче распространялась во всѣ концы тогдашняго христіанскаго міра. Когда въ Константинополь, въ концѣ 397 года, освободилась архіепископская кафедра, никого не могли найти болѣе подходящаго и достойнаго къ занятію этой кафедры: по указанію Евтропія, тогдашняго временщика при новомъ императорѣ Аркадіи, избранъ былъ Іоаннъ Златоустъ.

Такъ какъ чуждый и тѣни тщеславія и властолюбія, Златоустъ добровольно не пожелалъ бы занять это, самое высокое въ имперіи церковное положеніе, и такъ какъ, съ другой стороны, народъ антиохійскій, беззавѣтно любившій Златоуста, добровольно, безъ сопротивленія и можетъ быть даже безъ возмущенія не отдалъ бы, не отпустилъ бы Златоуста изъ Антиохіи, то и рѣшено было взять его хитростью. По порученію императора, одинъ изъ сановниковъ имперіи пригласилъ Златоуста будто бы для переговоровъ о какомъ-то важномъ дѣлѣ въ церковь св. мучениковъ, которая находилась за городомъ, внѣ Антиохіи. А тутъ посланные императора схватили Златоуста, посадили его въ приготовленный для того экипажъ. Подъ сильнымъ конвоемъ Златоустъ привезенъ былъ въ

---

*) См. январскую кн. стр. 57.

Константинополь.—Разсуждая по человѣчески, еще не постигало Златоуста во всю его жизнь болѣе тяжкаго несчастія, какъ это принудительное назначеніе его на константинопольскую кафедру. Не митру патриаршую, а вѣнецъ терновый надѣли на него....

Не только не желавшій и не искавшій какихъ либо повышеній, а обманомъ захваченный и насильственно привезенный въ Константинополь, Златоустъ сразу здѣсь убѣдился, что всякое сопротивленіе напрасно, и, уже усматривая въ совершившемся особое изволеніе Божіе, онъ покорился. 26 февраля 398 года онъ посвященъ былъ въ архіепископскій санъ соборомъ епископовъ, изъ которыхъ многіе съ завистью и недовольствомъ смотрѣли на Златоуста, такъ какъ сами питали честолюбивые замыслы на старѣйшую и почетнѣйшую въ имперіи константинопольскую кафедру. Изъ числа послѣднихъ особенно выдѣлялся александрійскій архіепископъ Теофилъ, хитрый и мстительный человѣкъ. Онъ затаилъ въ душѣ своей великую злобу на Златоуста и впослѣдствіи принесъ ему много мученій.

Кому иному, высокій санъ архіепископа столицы принесъ бы можетъ быть счастье и удовлетвореніе, а для Златоуста это былъ великій крестъ, преждевременно и приведшій его къ мученическому концу. Слава Златоуста, какъ необычайнаго оратора-проповѣдника, предшествовала ему въ Константинополѣ. Его ждали, его хотѣли, хотя, вѣроятно, ждали и желали его не какъ святаго человѣка, пастыря и учителя великаго, а какъ рѣдкость, какъ знаменитость, которую интересно было увидѣть и любопытно послушать. И вотъ открылось предъ Златоустомъ новое, обширное и очень запущенное, невоздѣланное поле дѣятельности. Еще такъ недавно созданная новая столица, Константинополь, привеллегіями, которыя даны были первымъ поселенцамъ, привлекла въ себя массы самаго разношерстнаго люда, разныхъ національностей и разныхъ исповѣданій. Кромѣ того, вскорѣ послѣ Константина Великаго, Константинополь охваченъ былъ аріанствомъ, такъ что даже епископская кафедра константинопольская не-

однократно была занимаема еретиками. Православіе тутъ было подавлено и оскорбляемо; всякимъ заблужденіямъ ума и порокамъ воли здѣсь была широкая свобода и вольный просторъ. Великій подвижникъ, святой аскетъ, Златоустъ оказался въ средѣ изнѣженнаго, развращеннаго столичнаго общества, съ которымъ у него ничего не могло быть общаго и предъ которымъ ревностный архипастырь церкви и громоподобный проповѣдникъ не могъ да и не сталъ молчать.

Съ апостольской ревностью началъ Златоустъ свой тяжкій святительскій подвигъ. Онъ вступилъ въ непосредственное общеніе съ новой своей паствой посредствомъ великаго богоданнаго ему таланта—слова. Черезъ нѣсколько дней по посвященіи въ санъ архіепископскій, Златоустъ произнесъ свое первое слово къ народу. Къ сожалѣнію, слово это не сохранилось намъ. Но извѣстно, что оно произвело поразительное, чарующее дѣйствіе на новыхъ слушателей Златоуста. Быстро разнеслась молва по городу, что въ лицѣ новаго архіепископа, дѣйствительно, константинопольцы получили неслыханнаго еще, небывалаго оратора, котораго стоитъ послушать. И каедру Златоуста потомъ буквально стала осаждать толпа народная. Златоуста радовало и умиляло такое вниманіе къ словамъ его. „Еще такъ мало я бесѣдовалъ съ вами, говорить онъ въ началѣ одного изъ первыхъ своихъ словъ: а ужъ душею я возлюбилъ васъ, какъ будто и всегда доселѣ жилъ съ вами. Чувствую, что я уже привязанъ къ вамъ крѣпкими узами самой искренней любви“.—Такъ началась и потомъ широко развернулась неутомимо энергичная, кипучая, многосторонняя дѣятельность Златоуста въ Константинополѣ. Нѣтъ никакой возможности въ краткомъ словѣ обозрѣть и освѣтить этотъ гигантскій трудъ Златоуста, и я по необходимости только назову, пересчитаю, только укажу въ немногихъ словахъ цѣлыя сложныя области, цѣлыя громадныя сферы архипастырской дѣятельности Іоанна Златоуста.

Прежде всего, это была дѣятельность *административная*, архипастырская. Энергично и мужественно Златоустъ

принялся за исправленіе константинопольскаго клира и духовенства, которое не уступало тогда въ порокахъ и изнѣженности свѣтскому обществу. Онъ написалъ двѣ большихъ книги противъ нравственной развращенности, особенно нетерпимой, вопіющей и грѣховной въ средѣ духовенства; въ этихъ книгахъ, какъ и въ массѣ церковныхъ поученій на ту же тему, Златоустъ и стыдитъ, и убѣждаетъ, и угрожаетъ. Почитая себя отвѣтственнымъ предъ Богомъ за ввѣренное его водительство стадо духовное, Златоустъ чуждъ былъ такъ нерѣдкаго въ обыкновенныхъ людяхъ малодушія, и онъ не ограничился часто гибельными въ жизни только полумѣрами. По образному выраженію одного стариннаго біографа, Златоустъ, какъ смѣлый операторъ, не остановился предъ огнемъ и желѣзомъ, т. е. предъ сильными и рѣшительными мѣрами, лишь бы поднять достоинство папства, очистить клиръ отъ недостойныхъ членовъ, освободить духовенство отъ справедливыхъ нареканій и направить благое вліяніе его на народъ. Многіе нераскаянные и безнадежно павшіе клирики, даже и епископы, по настоянію непреклоннаго въ святой ревности первосвятителя, должны были освободить мѣста, ими недостойно занятыя и ихъ поведеніемъ позоримыя.

Заботливою любовью обнимая всѣ церкви и помѣстныя, зависимыя отъ столичной кафедрѣ, Златоустъ не только завелъ постоянныя дѣятельныя сношенія съ епископами и вообще духовенствомъ этихъ церквей, но и самъ посѣщалъ ихъ. Такъ напр., въ февралѣ 400 года, больной, въ дурную погоду, онъ совершилъ стодневное, такъ и названное историками „апостольское“ путешествіе въ Азію. Послѣ труднаго и опаснаго зимняго плаванія, онъ, вслѣдствіе бездорожья, пѣшкомъ дошелъ до Ефеса, гдѣ и собралъ до 70 епископовъ. На этомъ соборѣ много было разрѣшено недоумѣній, устранено безпорядковъ и безчинствъ въ церковной жизни, нѣсколько епископовъ и много клириковъ было отрѣшено отъ занимаемыхъ ими должностей. Блаженный Феодоритъ, впоследствии, говорилъ о Златоустѣ, вспоминая это его апостольское путе-

шествіе: „видѣлъ тебя Ефесь и наименовалъ тебя новымъ, вторымъ Іоанномъ; слышалъ тебя Ефесь и вспоминалъ о томъ громъ небесномъ, что раздавался тамъ нѣкогда изъ устъ перваго Іоанна, Богослова-апостола“.

Далѣе, дѣятельность Златоуста была *миссіонерская*. Въ виду опасности и великаго зла, вносимаго въ религіозную жизнь страны аріанами, новаціанами, манихеями, маркіонитами и др. еретиками, Златоустъ поставилъ цѣлью всячески поднять православіе въ глазахъ народа, величественнѣе его поставить, привлечь къ нему вниманіе и расположеніе легкомысленнаго и неустойчиваго константинопольскаго населенія. Въ ряду мѣръ, въ этомъ направленіи предпринятыхъ Златоустомъ, отмѣчу одну, очень счастливую, полезную и особенно симпатичную: въ противовѣсъ смущавшимъ и увлекавшимъ народъ разнымъ еретическимъ церемоніямъ религіознымъ, Златоустъ организовалъ величавыя, грандіозныя процессіи православныя, съ свѣчами, факелами, священными гимнами, съ общенароднымъ пѣніемъ. Особенно разительное впечатлѣніе производили на народъ введенныя Златоустомъ ночныя религіозныя шествія, церковныя процессіи и богослужбеныя собранія. Самъ Златоустъ очень любилъ эти бдѣнія ночныя и съ увлеченіемъ располагалъ къ нимъ народъ: „ночь создана вовсе не для одного только сна, говорилъ онъ: церковь Божія и въ полунощи бодрствуетъ. Вставай же и ты, христіанинъ! Созерцай и насладись этимъ хоромъ небеснымъ свѣтиль, этимъ глубокимъ безмолвіемъ ночи, ея таинственною тишиною. Преклонись предъ Провидѣніемъ Господа твоего! Вѣдь ночью душа твоя болѣе чиста, болѣе легка, она свободнѣе возносится горѣ, вверхъ; и тьма и безмолвіе сильнѣе располагаютъ ее къ созерцательности. Когда больше, какъ не ночью, и растенія испускаютъ благоуханіе! Такъ и душа твоя ночью свободнѣе воспринимаетъ росу небесную. Что днемъ сожжено, то ночь живить и освѣжаетъ“.

Златоустъ обратилъ вниманіе на многія, еще не просвѣщенныя свѣтомъ Христовымъ племена и народности, входившія въ составъ имперіи или сосѣднія съ нею, и

предпринималъ дѣятельныя усилія къ распространенію въ средѣ ихъ истинной вѣры. Онъ организовалъ общества, братства миссіонеровъ, цѣлыя дружины миссіонерскія, и направлялъ ихъ даже къ дикимъ народамъ, въ далекія страны, на востокъ и сѣверъ—въ Финикію, Аравію, Персію, къ готѣамъ и скиѣамъ, къ племенамъ, населявшимъ предѣлы теперешней Россіи, въ равнинахъ между Дунаемъ и Днѣпромъ. Златоустъ изыскивалъ средства на содержаніе этихъ миссій, строилъ въ новопросвѣщенныхъ странахъ храмы, организовалъ въ нихъ епископіи, вводилъ для нихъ богослуженіе на ихъ родномъ, напр. готѣскомъ, языкѣ и т. д.

Далѣе, дѣятельность Златоуста въ Константинополѣ была *благодѣтельная*. Сокративъ свои личныя потребности и расходы до крайности, онъ всѣ, очень богатые средства своей катедры отдавалъ на дѣла милосердія. Кромѣ постоянной раздачи милостыни бѣднякамъ и нищимъ, кромѣ постоянныхъ пожертвованій въ существовавшія до него благотворительныя учрежденія Константинополя, Златоустъ, на свои личныя и получаемыя отъ расположенныхъ имъ къ тому богатыхъ людей, средства, организовалъ очень крупныя и знаменитыя тогда въ Константинополѣ благотворительныя учрежденія, именно: онъ основалъ въ городѣ громаднѣйшій госпиталь для болящихъ и не менѣе громаднѣйшій страннопріимный домъ для чужестранцевъ и для безпріютныхъ людей. Поддержаніе этихъ заведеній и ихъ благоустроеніе было всегдашней и, можно сказать, любимой заботой Златоуста. Не даромъ такъ часто и въ проповѣдяхъ своихъ онъ призываетъ и располагаетъ богачей къ благотворительности, такъ горячо славословить христіанскую добродѣтель милостыни. Известно, что Златоустъ стремился къ полному уничтоженію нищенства и бѣдности въ Константинополѣ и уже мечталъ объ осуществленіи безбѣднаго, братскаго взаимобщенія его пасомыхъ, по подобію первенствующихъ христіанъ Іерусалима.

Нельзя, далѣе, не упомянуть о дѣятельности Златоуста *литурической*—по улучшенію, благоустроенію и упо-

рядоченію общественнаго богослуженія. Вѣчнымъ памятникомъ этихъ заботъ и трудовъ Златоуста является имъ составленный и общепринятый на всѣ времена и у всѣхъ православныхъ христіанъ чинъ божественной литургіи Златоуста.

Но самая главная дѣятельность Златоуста, въ какой онъ былъ по-истинѣ неподражаемо великъ, была дѣятельность *проповѣдническая*. Здѣсь прежде всего нужно отмѣтить громадный отдѣлъ его бесѣдъ экзегетическихъ. Продолжая начатое имъ въ Антиохіи дѣло изъясненія слова Божія, тутъ, въ Константинополѣ, онъ далъ образцовыя по своей простотѣ, общедоступности и въ то же время по глубинѣ мысли, полнотѣ пониманія, толкованія на книгу Дѣяній апостольскихъ, на Посланія ап. Павла къ Филипписіямъ, къ Колоссяямъ, къ Евреямъ и др. священныя книги. Но самый громадный отдѣлъ проповѣднической дѣятельности Златоуста составляютъ его поученія нравственно-назидательныя и обличительныя, при чемъ Златоусту пришлось имѣть дѣло съ тѣми же пороками паствы его, что и въ Антиохіи, но только еще въ горшей степени, въ большей мѣрѣ. Въ зависимости отъ этого, константинопольскія проповѣди Златоуста—противъ зрѣлищъ, безнравственности, изнѣженности, модъ, распутства, чревоугодія, легкомыслія въ вѣрѣ и т. д. — дышать какъ бы еще большею энергіею слова и напряженностью чувства.

И вся эта многосторонняя кипучая дѣятельность Златоуста имѣла необычайный успѣхъ, видимо приносила благіе плоды и результаты. И религіозная и нравственная жизнь обитателей столицы мало по малу начала принимать болѣе благоустроенный, упорядоченный видъ. Неукротимая, истинно-апостольская ревность архипастыря дѣйствовала неотразимо по крайней мѣрѣ на простыя, болѣе дѣвственныя сердца простого народа. Успѣхъ проповѣдей Златоуста и здѣсь, въ Константинополѣ, былъ громадный и необычайный. Какъ было и въ Антиохіи, никакой храмъ константинопольскій не могъ вмѣстить массы людей, желавшихъ слушать Іоанна; возлѣ его ка-

оеды была обыкновенно невѣроятная давка; скорописцы въ разныхъ концахъ храма записывали рѣчи его, которыя потомъ широко распространялись среди народа въ столицѣ и за предѣлами ея. Аплодисменты, громкіе вздохи, плачь, рыданія и т. п. проявленія неуправимаго волненія чувствъ въ слушателяхъ нерѣдко нарушали плавное или бурное теченіе рѣчи Златоуста, а иногда извлекали слезы умиленія и на очахъ самого проповѣдника. Толпа провожала Златоуста и внѣ церкви, съ восторгомъ принимала на себя добровольныя обязанности хранить и оберегать своего возлюбленнаго архипастыря отъ всякихъ опасностей и огорченій; очень нерѣдко сотни горожанъ проводили цѣлыя ночи у дверей Златоуста, когда угрожала ему какая либо неприятность. Видя и зная такую преданность и любовь народа, Златоустъ, дѣйствительно, имѣлъ основанія обращаться къ слушателямъ своимъ, примѣрно, съ такими рѣчами: „вы—мое все; вы мнѣ и отецъ, и братья, и дѣти; вы—мои члены, мое тѣло и жизнь моя! Вы мнѣ вѣнецъ и утѣшеніе; вы мое помазаніе, мой свѣтъ!“ А такія слова, притомъ дышавшія Златоустовскою силой и искренностью, буквально потрясали толпу, несказанно одушевляли, еще болѣе увлекали и привлекали ее къ великому архипастырю.

Были и въ константинопольскій періодъ жизни Златоуста особенные случаи, исключительныя событія, которыя сильнѣе закрѣпляли нравственную связь Златоуста съ папскими и еще болѣе выдвигали, поднимали авторитетъ его въ глазахъ послѣднихъ. Такъ, на примѣръ, въ концѣ перваго же года служенія Златоуста въ Константинополѣ (въ 398 г.) надъ городомъ разразилось страшное бѣдствіе — великое землетрясеніе. Раздался ужасающій подземный шумъ; потомъ земля растрескалась во многихъ мѣстахъ, изъ расщелинъ била вода, вырывался огонь, поднимался страшный удушливый дымъ; воды Босфора буквально кипѣли и выступили изъ береговъ, затопляя городъ. Грозныя тучи закрыли небо непроницаемымъ мракомъ, молнія своими огненными стрѣлами разсѣкала воздухъ по всѣмъ направленіямъ. Зданія, жилища трескались и распадались,

погребая многихъ подъ своими развалинами. Императорская семья, сановники, управители города и массы горожанъ спасались бѣгствомъ изъ города. Въ этомъ царствѣ ужаса и паники нисколько не растерялся и оставался непоколебимымъ мужественный архипастырь. Послѣ исчезнувшихъ и разсѣявшихся властей, онъ одинъ остался въ столицѣ, какъ ея хозяинъ, начальникъ и утѣшитель народа. И онъ съумѣлъ своимъ самообладаніемъ возстановить порядокъ въ столицѣ; онъ собралъ смѣтенныхъ жителей около храма, ободрилъ ихъ, успокоилъ. А когда бѣдствіе миновало и бѣжавшіе вернулись въ городъ, Златоустъ открылъ рядъ бесѣдъ на эту злобу послѣднихъ дней: огненными красками онъ изобразилъ пережитыя бѣды и мученія, не преминувши поставить на видъ своимъ слушателямъ и тѣ нравственныя причины, что низвели на нихъ этотъ гнѣвъ Божій. А чтобы еще больше укрѣпить напуганный народъ въ благомъ, религіозномъ настроеніи, Златоустъ устроилъ грандіозную церемонію перенесенія св. мощей мучениковъ въ новый великолѣпный храмъ, по ту сторону Босфора, въ девяти миляхъ отъ Константинополя. Это торжество, въ которомъ принимали участіе многія тысячи народа, съ возженными свѣчами, съ пѣніемъ гимновъ, ночью, произвело на всѣхъ присутствующихъ восторженное впечатлѣніе. Глядя на несмѣтную массу вѣрующихъ, тамъ, вдали отъ города, Златоустъ въ умиленіи восклицалъ въ своей рѣчи: „какъ бы нѣкое море разлилось сюда отъ самаго города! — море, не воздвигаемое бурей, не угрожающее крушеніемъ, безопасное отъ камней подводныхъ. Рѣкою огненной, отъ обилія свѣтильниковъ, разлилось это море—черезъ море и по землѣ.... Что же мнѣ сказать теперь? Я полонъ веселья, я внѣ себя! Я ликую, я ношусь восхищенной душою, я очарованъ симъ духовнымъ веселіемъ; я летаю и играю отъ радости, что эта пустыня стала многолюднымъ городомъ, а городъ остался пустынею!“ Искренній восторгъ возлюбленнаго архипастыря еще пуще поднималъ настроеніе народа. Ликование народа было полное и впечатлѣніе неизгладимое. Народъ былъ упоенъ этой исключительной радостью ре-

лигіозною и былъ за то глубоко благодаренъ Златоусту, громко выражалъ ему признательныя свои чувства.

Подобное же событіе случилось и во второй годъ святительства Златоуста (399 г.), когда, какъ разъ въ дни страстной седмицы, необычайная буря разразилась надъ Константинополемъ и разрушила массу зданій, жилищъ въ немъ. Ужасающій дождь, какъ бы сплошнымъ потокомъ воднымъ, низринулся съ небесъ, опустошалъ поля, истреблялъ плоды, растенія и губилъ все благосостояніе народа. Та же паника, растерянность и исчезновеніе изъ города властей, и такъ же одинъ Златоустъ— въ обычной и знакомой ему роли единственнаго представителя власти и отца, утѣшителя народнаго. Наученные опытомъ прошлаго, граждане теперь сами бѣжали въ храмъ, къ Златоусту. Онъ объявилъ общественныя моленія и, при несмѣтномъ стеченіи народа, совершалъ крестныя ходы, по городу и за городъ, такъ же чрезъ Босфоръ, на другой берегъ, и т. д. Словомъ, Златоустъ и на сей разъ отвлекъ подавленную мысль народную отъ земныхъ ужасовъ и заполнилъ сознаніе своихъ пасомыхъ религіозной настроенностью, христіанскими упованіями. Буря утихла, жители успокоились; но эти услуги Златоуста въ тяжелые, безотрадныя дни не могли забыться, и любовь народная къ нему все росла и крѣпла.

Нельзя также не вспомнить чрезвычайно важнаго случая, когда Златоустъ явился спасителемъ отечества отъ повергшаго всѣхъ въ ужасъ и грозившаго страшными послѣдствіями нашествія на столицу варваровъ-иноплеменниковъ. Въ ту пору выдѣлился одинъ молодой военачальникъ—Гайна, по національности готъ, по вѣроисповѣданію еретикъ, аріанинъ, человекъ хитрый, злобный и свирѣпый. Въ 398 г. онъ отправленъ былъ императоромъ Аркадіемъ съ войскомъ во Фригію, для подавленія тамъ мятежа. Но Гайна измѣннически соединился тамъ съ врагами имперіи и во главѣ иноплеменныхъ войскъ направился на Константинополь. Императоръ Аркадій, чтобы укротить и задобрить этого варвара, согласился объявить его начальникомъ всѣхъ войскъ имперіи. Но и

это не обезоружило Гайну. Онъ предъявлялъ императору одно за другимъ возмутительныя требованія. Напр., онъ требовалъ головы нѣкоторыхъ консуловъ, вѣрныхъ слугъ отечества, требовалъ уступки аріанамъ нѣсколькихъ церквей православныхъ. И только великая, воистину самоотверженная энергія и протесты Златоуста сломили дикую волю дикаго насильника: онъ уступилъ, отказался отъ своихъ домогательствъ. Но потомъ скоро Гайна, скупавшій миромъ и спокойствіемъ, поднялъ снова открытый бунтъ во Фракіи. Собравши тамъ громадныя полчища, онъ, разоряя все по пути, ужасающей грозой устремился на Константинополь. Трепетъ объялъ всѣхъ; паника была такъ велика, что никто—ни начальствующіе, ни подчиненные—не рѣшались противостать варварамъ. Столица, а съ нею и имперія, оказались беззащитными и готовы были покорно ждать своей горькой участи. И вотъ Златоустъ, въ этотъ страшный моментъ, одинъ сохранилъ самообладаніе и своимъ самоотверженіемъ спасъ отечество: онъ не побоялся свирѣпаго и, какъ можно было думать, на него уже обозленнаго варвара; онъ дерзновенно одинъ отправился къ Гайнѣ, чтобы уговорить его, успокоить и, такимъ образомъ, спасти столицу, царя и отечество. И эта въ высшей степени рискованная миссія, грозившая Златоусту смертію, убійствомъ въ варварскомъ станѣ, именно ужъ только *Богу содѣйствующу*, увѣнчалась полнымъ и блистательнымъ успѣхомъ. Даже этотъ свирѣпый варваръ и еретикъ, Гайна, оказалъ полное вниманіе и уваженіе къ святителю. Узнавъ, что идетъ къ нему слава міра, самъ Златоустъ, Гайна вышелъ къ нему навстрѣчу, даже съ дѣтьми своими, поклонился ему и согласился съ его увѣщаніями—не губить людей, не разрушать имперіи. Скоро послѣ того Гайна, въ его воинскихъ аферахъ, прекратилъ свое буйное существованіе, погибъ; во всякомъ случаѣ, въ данный-то критическій моментъ только вотъ эта, именно міровая сила духовная, въ лицѣ Златоуста, одолѣла неукротимую физическую силу варварства. Это былъ славный подвигъ патріотическій Златоуста, великая его духовная побѣда, спасшая отечество.

Таковы были незабвенные труды и исключительныя заслуги великаго святителя предъ народомъ, церковью, предъ царемъ и отечествомъ! Вообще, въ то несчастное царствованіе Аркадія, бѣдствія и испытанія, которымъ подвергалось отечество, вынуждали Златоуста не ограничиваться только дѣятельностью церковною. Слабость императорскаго правленія заставляла его дѣлаться въ нѣкоторыхъ случаяхъ и дѣятелемъ политическимъ, патріотическимъ. Въ этой, на примѣръ, исторіи съ Гайною, Златоустъ не только какъ пастырь христіанскій защищалъ религію, но и какъ патріотъ, жизнь рисковалъ за родину свою и за царя своего.

А между тѣмъ черная туча злобы и цѣлая буря ненависти, пока незримо и по капелькѣ, собиралась и скоплялась надъ главою великаго святителя, и отселѣ повѣсть всѣхъ остальныхъ лѣтъ жизни Златоуста является одною изъ печальнѣйшихъ страницъ исторіи церковной вообще.

А. Царевскій.

СВЯТИТЕЛЬ

ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ *).

Какъ и слѣдовало ожидать, строгія мѣры Златоуста въ отношеніи къ испорченному и развращенному клиру константинопольскому и къ духовенству страны, породили глухой ропотъ на столь ревностнаго и строгаго архипастыря. Масса клириковъ, пресвитеровъ и епископовъ, потерпѣвшихъ изъ-за святой ревности Златоуста, составили прочный и многочисленный контингентъ враговъ Златоуста, желавшихъ всякой ему непріятности и чаявшихъ, искавшихъ его гибели. А многіе представители высшей власти духовной, епископы, въ родѣ Теофила александрійскаго, мучительно завистничали, глядя на Златоуста, — завидовали и положенію его на кафедрѣ столицы, и небывалой, безпримѣрной славѣ его, и вліянію на народъ, и ненавистничали на него изъ-за святой его апостольской жизни, служившей живымъ укоромъ для нихъ самихъ.

Близость высшей въ государствѣ аристократіи и придворныхъ сферъ была новымъ и еще лишнимъ бременемъ и горемъ для Златоуста. Въ средѣ этого изнѣженнаго, избалованнаго и пресыщеннаго въ порокахъ барства Златоустъ не могъ нравиться прежде всего самъ по себѣ, какъ святой подвижникъ, непреклонный аскетъ. Такой

---

*) См. февральскую кн. стр. 172.

человѣкъ и вся жизнь, обстановка его, упрощенная до самой крайней степени, доведенная именно до апостольской простоты и бѣдности, были непонятны и ужъ во всякомъ случаѣ несимпатичны представителямъ модной аристократіи. „Несговорчивый монахъ“, какъ называли въ этихъ кругахъ Златоуста, отрицавшій всякую житейскую суетность, свѣтскость, строго говоря, и на патриаршей кафедрѣ отшельникъ, питавшійся только хлѣбомъ и все свое отдававшій бѣднымъ, непоколебимо прямой и непреклонно правдолюбивый, — такой человѣкъ, въ пышной столицѣ и въ рядахъ высшей, правящей аристократіи, составлялъ явленіе рѣшительно необычайное и ужъ слишкомъ своимъ контрастомъ рѣзавшее глаза. Златоустъ былъ самъ по себѣ не сносенъ для этихъ людей, какъ невыносимъ бываетъ яркій свѣтъ для больныхъ глазъ. Но еще ужаснѣе было то, что этотъ „несговорчивый монахъ“ не хотѣлъ равнодушно смотрѣть на окружавшихъ его и не оставилъ въ покоѣ ихъ. Раззорительная роскошь, корыстолюбіе, а въ зависимости отъ этого и всякія неправды высшихъ сословій и чиновниковъ встрѣчали въ Златоустѣ небывало беспощаднаго, грознаго и необычайно сильнаго, остроумнаго обличителя. Проповѣди Златоуста, полная художественной красоты и разительной силы, невольно привлекали къ его кафедрѣ всѣхъ, именно и жестоко обличаемыхъ имъ людей; эти проповѣди нерѣдко являлись событіями дня, о нихъ всюду говорили, ихъ записывали, переписывали, они всюду въ общественныхъ кружкахъ распространялись, ими зачитывались. Въ массѣ людей, задѣтыхъ обличеніями, — а такихъ было слишкомъ много, — слагалось и нарастало негодованіе и озлобленіе на Златоуста; число враговъ и ненавистниковъ его все прибывало. Простой народъ, далекій отъ властныхъ сферъ и вслѣдствіе бѣдности менѣе зараженный пороками и нравственной распущенностью, неизмѣнно и тутъ, какъ въ Антиохіи, горячо любилъ новаго архипастыря и съ однимъ только искреннимъ восторгомъ внималъ его слову. Зато люди порочные и преступные, недоброжелатели и враги Златоуста, искали всякой возможности и случая, въ чемъ бы

поймать и завинить святого человѣка; а такъ какъ въ жизни и поведеніи Златоуста ничего нельзя было усмотрѣть грѣховнаго, порочнаго, компрометирующаго, то желали по крайности его, какъ нѣкогда старѣйшины іудейскіе Спасителя, *обличить въ словъ*.

И вогь, въ рядахъ народа, восхищавшагося лицецрѣніемъ и рѣчами Златоуста, ютились и шпіоны, враги Златоуста, жадно ловившіе всякое неточное слово, двусмысленное выраженіе, малѣйшій намекъ его, чтобы все это раздуть и преувеличить клеветою, а потомъ осуждать и обвинять Златоуста. Въ кругу недоброжелательныхъ къ нему людей стали распространяться потоки гнусной и безстыдной клеветы съ явной цѣлью—его унижить, обезславить, погубить. Слова Златоуста извращались, поступки перетолковывались; его обвиняли, напримѣръ, въ алчности, скаредности, въ гордости; распространяли молву, что Златоустъ возмущаетъ народъ, оскорбляетъ представителей власти, что аскетическая жизнь его только на показъ, а въ тайнѣ-де онъ предается оргіямъ, разгулу, и тому подобныя, въ высшей степени нелѣпныя, подлыя и ни для кого невѣроятныя гнусности сплетали на имя святого, великаго человѣка. Мало того, нѣкоторые изъ наиболѣе сильныхъ и злобныхъ враговъ Златоуста посылали шпіоновъ даже въ Антиохію, чтобы тамъ, такъ сказать, порыться въ молодой жизни ненавистнаго для нихъ архипастыря, поискать какихъ либо уликъ, обвиненій на него. Но, впрочемъ, и эти ревностныя усилія ни къ чему не привели и никакихъ 'нужныхъ данныхъ врагамъ Златоуста не доставили.

Златоустъ не могъ не видѣть надвигающуюся на него бурю; но ужъ конечно никогда этотъ святой человѣкъ не могъ принизиться до того, чтобы бороться противъ интригъ, клеветы и низости такимъ же общепринятымъ въ свѣтѣ оружіемъ. Зная свою полную правоту и невинность, онъ, какъ пастырь и какъ христіанинъ, не страшился злобы земной и готовъ былъ все претерпѣть ради правды небесной. „Да и чего мнѣ бояться?!“ говоритъ онъ, напр., въ одной проповѣди. „Неужели возможно

бояться мнѣ смерти, когда Самъ Христосъ — моя жизнь! Неужели бояться мнѣ потери имущества? Но я нагъ пришелъ въ міръ сей и ничего съ собою не возьму изъ него. Да у меня и нѣтъ ничего, все мое—въ одномъ желаніи: жить для блага душъ христіанскихъ“. Мужественно и твердо, какъ истинный христіанинъ, Златоустъ готовъ былъ принять гоненіе, поднятое на него завистью, ненавистью и всѣми темными страстями человѣческими.

А между тѣмъ времена теперь, по смерти мудраго императора Θεодосія, измѣнились и измѣнились очень къ худшему. Защиты и поддержки самоотверженному проповѣднику и беспощадному изобличителю пороковъ людскихъ и неправдъ житейскихъ найти было не въ комъ. Во главѣ имперіи стоялъ юный государь Аркадій, человѣкъ добрый и благочестивый, но очень слабый, безхарактерный. Онъ всецѣло поддавался вліянію приближенныхъ къ нему лицъ. Около него стояла и имъ руководила супруга его Евдоксія. Это была женщина почти безвѣстнаго происхожденія, очень по внѣшности красивая, но совсѣмъ недобрая душею, покорная раба страстей роскоши и корыстолюбія, для удовлетворенія которыхъ она способна была допустить всякое насиліе и беззаконіе. Она и подставлена была Аркадію и стала супругою его, благодаря усиліямъ Евтропія, главнаго, пока тайнаго, а потомъ и явнаго совѣтника царскаго. Евтропій — человѣкъ совсѣмъ низкаго происхожденія и низкихъ качествъ душевныхъ. Въ молодости онъ нѣсколько разъ былъ продаваемъ и перепродаваемъ, какъ рабъ, а потомъ началъ карьеру свою придворную съ болѣе чѣмъ скромнаго званія царскаго эвнуха, т. е. постельничаго; но благодаря хитрости и дерзости, онъ сумѣлъ вкрасться въ довѣріе императора, а потомъ и явился всесильнымъ царскимъ совѣтникомъ и руководителемъ. Овладевъ царемъ, Евтропій, впрочемъ, всплылъ, такъ сказать, и наружу, на поверхность: не постѣснился сдѣлаться главнымъ сановникомъ имперіи, присвоилъ себѣ почетное, гордое, древнеримское наименованіе консула, патриція.

Какъ было упомянуто, именно всесильный Евтропій и избралъ Златоуста на архіепископскую кафедру. Но святого Златоуста меньше всего можно было подкупить какими бы то ни было милостями и подачками. Для него была выше всего правда Божія; видя нарушенія ея, Златоустъ, ни предъ кѣмъ и ни предъ чѣмъ не останавливался, себя самого не щадилъ и своей жизни не жалѣлъ. Проницательный, мудрый святитель быстро оглядѣлъ, что за человѣкъ былъ его „благодѣтель“, и какого либо согласія, единомыслія между святымъ человѣкомъ и низкимъ временщикомъ, конечно, не могло быть. Между прочимъ, распространяя свое самовластіе, подвергая часто неправымъ преслѣдованіямъ своихъ личныхъ враговъ, лишникъ и непріятныхъ ему людей, иногда подвергая заточенію, изгнанію совсѣмъ невинныхъ людей, съ единственной цѣлью конфисковать ихъ имущество, усвоить ихъ достояніе, Евтропій возсталъ противъ исконнаго и великаго права церкви, права „святого убѣжища“. Право это состояло въ томъ, что всякій человѣкъ, справедливо или несправедливо преслѣдуемый кѣмъ бы то ни было, могъ явиться въ храмъ, и тамъ, подъ сѣнію святого алтаря, онъ оставался безопасенъ и неприкосновененъ: никакой Евтропій уже не могъ его взять оттуда. Вотъ это-то священное право, которымъ, дѣйствительно, нерѣдко пользовались насилуемые Евтропіемъ, и было такъ ненавистно для послѣдняго. И онъ настоялъ, не взирая на могучій протестъ со стороны Златоуста, настоялъ предъ Аркадіемъ на формальномъ уничтоженіи этого права.

Но какова же была превратность судьбы и какъ жестоко Господь покаралъ этого преступнаго человѣка, подъявшаго дерзкое насиліе свое на священныя права церкви! Очень скоро послѣ этого Евтропій, своею наглостью и грубостью, возмутилъ имъ нѣкогда возведенную до трона царицу Евдоксію: она, взявши дѣтей своихъ, въ слезахъ, упала на колѣни предъ Аркадіемъ и жаловалась на временщика. Вліяніе царицы на сей разъ пересилило: Аркадій изгналъ отъ себя Евтропія. Это низверженіе такъ много принесшаго зла народу временщика встрѣчено было

въ городѣ бурнымъ восторгомъ; народныя толпы кинулись выместить злобу надъ беззащитнымъ теперь Евтропіемъ. И чтоже?—онъ самъ бросился въ храмъ, подъ его „святое убѣжище“! Съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ, дрожащій, въ конвульсіяхъ, схватился онъ за край престола въ алтарѣ. И великій Златоустъ пріялъ его подъ свою защиту, съ опасностью для своей собственной жизни, спасъ, оборонилъ его отъ разъяренной толпы народа и солдатъ, уже ворвавшихся въ церковь и сокрушавшихъ всякія преграды. Но безстрашный архипастырь, накинувши церковное покрывало на Евтропія, одинъ противосталъ толпѣ и своимъ самообладаніемъ остановилъ этотъ бурный потокъ народнаго гнѣва. Евтропій и на ночь остался въ церкви. На утро соборъ былъ снова переполненъ огромной и все еще возбужденной толпою. Во время богослуженія, Златоустъ приподнялъ алтарную завѣсу, указалъ народу на жалкую фигуру отъ ужаса дрожавшаго и скорчившагося около престола Евтропія, и произнесъ, на основаніи этого нагляднаго примѣра, одно изъ самыхъ вдохновенныхъ, блистательныхъ своихъ словъ о суетности и тлѣнности всего земного, о мишурности и непрочности всякой славы и силы мірской.

Не замедлили обнаружиться враждебныя отношенія къ Златоусту и со стороны Евдоксіи, которая теперь, по низверженіи Евтропія, стала еще болѣе всесильною. Евдоксія сразу оглядѣла въ Златоустѣ себѣ соперника, который тоже имѣлъ вліяніе на Аркадія, вліяніе, впрочемъ, для послѣдняго тягостное, угнетающее, такъ какъ, по своей добротѣ и безхарактерности, Аркадій подчинялся авторитету Златоуста и всегда уступалъ ему во всѣхъ, очень частыхъ требованіяхъ и просьбахъ—то для церкви, то для народа, а также выслушивалъ отъ Златоуста указанія и обличенія придворныхъ неправдъ и пороковъ. Женскимъ инстинктомъ Евдоксія хорошо поняла и увидѣла въ великомъ святителѣ челоуѣка, очень и для нея самой небезопаснаго, а потому и выжидала только *подобнаго времени*, чтобы какъ нибудь избавиться отъ Златоуста. Поводовъ къ открытому раздору не пришлось долго до-

жидаться. Громовыя обличенія Златоустомъ мотовства, франтовства и распутства великосвѣтскихъ барынь, приближенными Евдоксіи истолковывались, какъ прямые-де намеки именно на нее и ея ближайшихъ наперстницъ. А скоро произошелъ случай, по которому Златоустъ, дѣйствительно, заговорилъ уже прямо съ Евдоксіей. Она соблазнилась имуществомъ (виноградникомъ) одной вдовы и, безъ всякаго законнаго повода и основанія, конфисковала его, т. е. просто захватила себѣ. Обиженная вдова, лишенная единственнаго своего достоянія, обратилась къ отцу, какъ въ средѣ бѣднаго люда обычно называли милосерднаго святителя. Златоустъ помѣстилъ вдову и съ ея сиротами въ страннопріимный домъ, а Евдоксіи, какъ отецъ духовный, написалъ по этому поводу трогательное, убѣдительное письмо. Но Евдоксія не послушалась внушеній справедливости, и отселѣ начала, такъ сказать, открытый походъ на Златоуста, чтобы такъ или иначе удалить съ своей дороги нелицепріятнаго и могущественнаго нравственнымъ авторитетомъ архипастыря.

Подняты были всѣ темныя силы, закопошились всѣ многочисленныя завистники и ненавистники Златоуста. Чтобы благовиднѣе обставить удаленіе глубоководимаго и любимаго народомъ святителя, устроено было подобіе собора изъ епископовъ, враждебныхъ ему. Во главѣ этого заговора сталъ Теофилъ александрійскій, давній завистникъ Златоуста. Сей Теофилъ—недостойный человѣкъ, котораго историки называютъ то „амфаллаксою“, т. е. вѣтрогономъ, переметной сумой, а то „новымъ фараономъ египетскимъ“. Въ августѣ 403 года Теофилъ явился въ Константинополь съ большимъ грузомъ тканей и драгоценностей—для подарковъ нужнымъ людямъ. Уговорами, ласкательствомъ, подаркамъ и подкупомъ, „фараонъ“ объединилъ около себя худшихъ, безчестныхъ представителей духовенства и всѣхъ недруговъ Златоуста. Такъ составилъ „соборъ“, который даже не могъ собраться въ городѣ изъ-за боязни народа, а засѣдалъ внѣ города, по ту сторону Босфора, въ предмѣстьи Халкидона. На лже-соборѣ этомъ выслушаны были заявленія и клеветниче-

скіе доносы на Златоуста разныхъ проходимцевъ, разстриженныхъ клириковъ и монаховъ, которые пользовались теперь случаемъ излить свою злобу на праведно покаравшаго ихъ святителя. Въ концѣ концовъ, отъ имени „собора“ предъявленъ былъ Златоусту цѣлый рядъ ложныхъ, нелѣпныхъ и прямо вздорныхъ, смѣшныхъ обвиненій. Напримѣръ, его винили въ томъ, что онъ расхищаетъ церковныя имущества, — это безсребренникъ-то, бѣднѣйшій человекъ во всемъ Константинополѣ, не имѣвшій никакой собственности и все свое отдававшій нищимъ! Винили его за то, что онъ „ѣстъ одинъ, неумѣренно, какъ циклопъ“ (!)—винили, ясное дѣло, за то, что Златоустъ никогда и никого не принималъ къ себѣ такъ называемыхъ гостей, какъ и самъ не бывалъ даже на торжественныхъ царскихъ обѣдахъ, — хотя всѣмъ вѣдомо было, что онъ питался дома почти исключительно однимъ хлѣбомъ. Винили, далѣе, за то, что онъ „развращаетъ епископовъ“, „не молится въ церкви“, что онъ „предалъ Евтропія“, и т. д. Обвиняли Златоуста даже въ еретичествѣ, въ оригенизмѣ, т. е. въ томъ грѣхѣ, отъ котораго несомнѣнно не были свободны многіе изъ самозванныхъ и самочинныхъ обвинителей Златоуста и пуще всѣхъ самъ Теофилъ. Хотя глупость и гнусность такихъ обвиненій были ужъ слишкомъ очевидны, всетаки, подъ давленіемъ и по настоянію Евдоксіи, Аркадій утвердилъ рѣшеніе лже-собора объ удаленіи Златоуста. Уже отправлены были воины взять его и препроводить въ ссылку.

Слухъ о низложеніи и предстоящемъ изгнаніи Златоуста быстро разнесся по городу; народъ заволновался и массами двинулся защитить любимаго архипастыря. Раздавались крики, что обвиненія на Златоуста не справедливы, что винить его ни въ чемъ невозможно, что нужно собрать настоящій, законный соборъ, который бы рассмотрѣлъ все это дѣло, распуталъ поднятую на Златоуста врагами и ненавистниками его исторію. Но Златоустъ, чтобы предотвратить волненіе и, можетъ быть, кровавыя бѣдствія, самъ постарался успокоить народъ. Онъ пришелъ въ церковь и сказалъ къ народу слово. Онъ убѣждалъ

не бояться за него, такъ какъ и самъ онъ ничего не боится. „Я не боюсь никакихъ угрозъ земныхъ, какъ не желаю и никакихъ благъ міра сего. Я не боюсь нищеты, какъ не желаю и богатства..... А потому и прошу васъ, возлюбленные мои, успокоиться. Мѣня съ вами никто и ничто не раздѣлитъ: кого Богъ сочеталъ, люди тѣхъ не разлучатъ. Не тревожьтесь же и этимъ докажите мнѣ любовь вашу.... Не приходите въ смущеніе, а лучше молитесь. И завтра и всегда я съ вами: сама смерть не разлучитъ насъ“. Народъ, дѣйствительно, успокоился, видя непоколебимую твердость и мужество любимаго архипастыря. А между тѣмъ Златоустъ, говоря о любви взаимной, не временной, а вѣчной, и о непрерывающемся общеніи духовномъ въ царствіи Божіемъ, въ душѣ своей простился съ паствою и въ ту же ночь, тайно отъ народа, покинулъ свою келлію; онъ вышелъ къ берегу, гдѣ добровольно предалъ себя въ руки стражниковъ. Послѣдніе немедленно посадили его на корабль и скорѣе отчалили отъ константинопольскаго берега.

Когда на утро разнеслась молва о ссылкѣ Златоуста, поднялось величайшее народное смятеніе. Рыданія и вопли раздавались всюду; горе народа было искреннее и невыразимое. Въ то же время судьи Златоуста, Теофиль съ своими епископами, явились было въ городъ, чтобы успокоить народъ; но самого Теофила народъ едва не бросилъ въ море, а его друга и единомышленника, епископа Северіана, который дерзнулъ взойти на кафедру Златоуста, чтобы говорить къ народу, изгнали не только изъ церкви, а даже и вонъ изъ города. Пришлось прибѣгнуть къ силѣ войскъ, и городъ обагрился кровію. Видя неподдѣльную скорбь народную и эти послѣдствія содѣяннаго, сама Евдоксія испугалась; сердце въ ней дрогнуло и въ глубинѣ души она уже раскаявалась.

А между тѣмъ и самъ Господь, въ защиту невинно пострадавшаго святителя явилъ себя чудодѣйственнымъ и грознымъ знаменіемъ. Только что минулъ этотъ первый и безпокойный, опасный день по изгнаніи Златоуста, какъ въ наступившую ночь произошло страшное землетрясеніе.

Весь Константинополь колебался и сотрясался, здания падали и разрушались; всюду раздавались стоны и вопли задвленныхъ и раззоренныхъ. Въ этомъ стихійномъ бѣдствіи всѣ усматривали наказаніе Божіе за допущенную несправедливость въ отношеніи къ святому человѣку. Во тьмѣ и мракѣ, подъ гулъ подземныхъ ударовъ, всюду раздавались неистовые человѣческіе крики: „Господь на насъ! Это казнь Божія! Горе намъ! Мы погибнемъ, если святитель не вернется!“ Но, кажется, пуще всѣхъ испугалась, оледенѣла въ ужасѣ Евдоксія. Все въ комнатахъ ея звенѣло, падало, разрушалось и даже кровать, на которой она была, тряслась и колебалась. Думая, что настала послѣдній часъ ея, кинулась она къ Аркадію съ мольбою немедленно возвратитъ Златоуста: „онъ — праведникъ“, кричала она: „Самъ Богъ мститъ за него. Спасай насъ и имперію, верни его скорѣе!“ И вотъ на коняхъ и на ладыяхъ кинулись, по приказу императора, гонцы въ разныя стороны нагонять Златоуста, такъ какъ на первыхъ порахъ даже и не знали, гдѣ искать его. Гонцамъ вручено было письмо къ святителю отъ Евдоксіи, въ которомъ она упрашивала его возвратиться скорѣй въ столицу и спасти всѣхъ отъ горя и опасности: „святѣйшій!“ подъ гнетомъ страха зывала Евдоксія въ письмѣ: „умоляю тебя, не думай, что я участвовала въ твоёмъ низложеніи. Это злые и развращенные люди составили на тебя заговоръ“, и т. д.

Когда на третьи сутки по изгнаніи Златоустъ ночью обратно подплывалъ къ Константинополю, то море и берегъ представляли чудную, волшебную картину. Весь городъ бодрствовалъ и выступилъ къ морю, а море сдѣлалось какъ бы огненнымъ отъ несмѣтнаго множества факеловъ, съ которыми плавали въ лодкахъ тысячи христіанъ: пѣсни и гимны во славу святого изгнанника оглашали море и городъ. Едвали когда и какой триумфаторъ встрѣчаемъ былъ съ такой радостью и воодушевленіемъ, съ какими константинопольцы встрѣчали теперь своего отца и пастыря. Едва Златоустъ вступилъ на берегъ, народъ, какъ завѣтную драгоценность, подъялъ его на

руки и прчнесъ въ каедральный храмъ, поставилъ Златоуста на его каедру. Взволнованный и до крайности утомленный, Златоустъ сказалъ краткое слово: онъ благодарилъ, по христіанской любви и всепрощенію, царицу и выразилъ радость души своей при свиданіи съ возлюбленной паствою. Миръ, успокоеніе и ликование теперь смѣнили въ Константинополѣ ужасъ и мракъ прошлыхъ двухъ дней.

Немного дней прошло спокойныхъ. Миръ со стороны Евдоксіи, подъ трепетомъ страха, такой горячій и искренній, оказался только краткимъ и хрупкимъ перемиріемъ. Испугъ миновалъ, а старыя страсти и антипатіи опять поднялись, заговорили. Вѣдь пораженная, униженная гордость рѣже всего прощаетъ. И снова закипѣла злоба и негодованіе на Златоуста. А скоро представился случай и къ прямому, опять открытому, явному разрыву. Упоенная честолюбіемъ, Евдоксія вздумала заживо поставить себѣ памятникъ. И вотъ, въ сентябрь 403 года, не далѣе какъ черезъ два мѣсяца по возвращеніи Златоуста изъ ссылки, массивная серебрянная колонна, со статуею Евдоксіи, была воздвигнута на центральной площади Константинополя, какъ разъ противъ алтаря каедральнаго храма св. Софіи, въ которомъ обычно священнодѣйствовалъ Златоустъ. Торжество открытія памятника сопровождалось народнымъ угощеніемъ, разнообразными полуязыческими забавами и развлеченіями. Нѣсколько дней продолжалось это гульбище народное, сопровождаемое звуками музыки, криками клоуновъ, фигляровъ, страшнымъ шумомъ и гамомъ, заглушавшимъ даже богослуженіе въ храмѣ. Златоустъ обратился къ префекту города съ просьбою, какъ либо оградить храмъ Божій отъ глумленія и безобразія. Но префектъ былъ еретикъ (манихей) и сторонникъ Евдоксіи. И шумъ на площади въ слѣдующіе дни не только не прекратился, а увеличился. Это былъ уже прямой вызовъ Златоусту, и онъ, со свойственною ему ревностью священной, примѣнилъ обычный пріемъ—публичнаго обличенія. Съ каедры церковной Златоустъ произнесъ слово, намъ не сохранив-

шеся, но, по согласнымъ отзывамъ современниковъ, очень сильное и одушевленное, по поводу всего неумѣстно и несвоевременно затѣяннаго уличнаго разгула. Немедленно приспѣшниками донесено было о томъ Евдоксіи. И вотъ возникаетъ дѣло объ „оскорбленіи“ Златоустомъ царицы.

Снова подняли голову возмутители, интриганы и ненавистники Златоуста. Въ январѣ 404 года возобновилось продолженіе того же незаконнаго „собора“, изъ тѣхъ же, прежнихъ обвинителей Златоуста, за исключеніемъ, впрочемъ, Теофила, который теперь уже побоялся лично явиться въ Константинополь и только издали, изъ своей Александріи, все-таки продолжалъ руководить ходомъ заговора. На сей разъ дѣло тянулось долго, нѣсколько мѣсяцевъ; но ходъ и исходъ дѣла можно передать въ нѣсколькихъ словахъ. Самозванные судьи подыскивали, кромѣ прежнихъ, и новыя, но подобныя прежнимъ, вины Златоуста, и въ концѣ концовъ такъ же постановили удалить Златоуста. Этотъ клеветническій и рѣшительно незаконный приговоръ незаконнаго „собора“, подъ усиленнымъ вліяніемъ Евдоксіи и всей ея партіи, такъ же, какъ и въ первый разъ, былъ утвержденъ слабымъ, безхарактернымъ Аркадіемъ. Сдѣлано было распоряженіе взять Златоуста подъ стражу и удалить его изъ Константинополя.

А между тѣмъ какъ разъ наступили великіе, святейшіе въ мірѣ христіанскомъ дни, послѣдніе дни страстной седмицы. Въ великую субботу, по исконному обычаю, архіепископъ долженъ былъ совершать крещеніе оглашенныхъ. На этотъ разъ ихъ было особенно много, до 3,000 человекъ. И вотъ, когда Златоустъ былъ въ церкви и уже началось таинство крещенія, послышался ужасный шумъ: толпа солдатъ, по большей части дикихъ еракійцевъ, язычниковъ, ворвалась въ храмъ и осквернила святое мѣсто страшнымъ насиліемъ и злодѣйствомъ: они схватили Златоуста, извлекли его изъ храма, разрушили и ниспровергли все въ алтарѣ, сабельными ударами поражали и новокрестившихся и клириковъ, такъ что

купели крещенія наполнились кровію. Попытки народа прекратить безобразіе въ церкви вызвали еще большія кровопролитія ужъ и на улицахъ города. Вооруженные язычники-солдаты беспощадно рубили, губили и хватали христіанъ, защитниковъ Іоанна. Ими переполнены были всѣ тюрьмы, гдѣ и провели они пасхальную ночь въ пѣніи воскресныхъ гимновъ; а храмы были пусты, такъ какъ изъ-за боязни никто не рѣшался идти въ нихъ. Даже императорская семья, вопреки исконному обычаю— во всемъ блескѣ и великолѣпнн присутствовать за торжественнымъ пасхальнымъ богослуженіемъ въ храмъ св. Софіи, теперь, въ виду этихъ безпорядковъ въ городѣ, оставалась дома. Такъ встрѣчено было въ Константинополѣ Свѣтлое Христово Воскресенье въ 404 году.

Златоустъ заключенъ былъ въ келіи своей. Его охраняла стража. Преданная и вѣрная паства, несмотря на преслѣдованія, тоже съ своей стороны стерегла и охраняла его жилище. И извѣстно, что были покушенія даже на жизнь Златоуста. Два раза подкупленные убійцы проникали къ Златоусту и оба раза они были пойманы и почти растерзаны народомъ. Въ концѣ концовъ и теперь самъ Златоустъ не захотѣлъ сопротивляться беззаконію и, чтобы не подвергать болѣе столицу и вѣрную паству свою новымъ бѣдствіямъ, добровольно рѣшился исполнить постановленіе лжесобора объ его изгнаніи. Въ одинъ изъ троицкихъ вечеровъ онъ сказалъ преданнѣйшимъ его друзьямъ, нѣсколькимъ епископамъ и клирикамъ, не покидавшимъ его въ заточеніи: „пойдемте въ церковь, помолимся“. Долго и горячо молился онъ. Затѣмъ сказалъ присутствующимъ: „все кончено и весь путь мой пройденъ; скоро вы не увидите меня больше. Но я заповѣдую вамъ: не забывайте любить и уважать церковь, а потому, чтобы ни случилось и кто бы здѣсь на мѣстѣ моемъ ни былъ, повинуйтесь ему, какъ и мнѣ,—окажите этимъ любовь вашу ко мнѣ! Да будетъ милостивъ ко мнѣ Господь, а вы поминайте меня въ своихъ молитвахъ!“ Затѣмъ, растроганный до слезъ, онъ обнялъ каждого и сказалъ: „побудьте здѣсь, пока я немного успокоюсь“. Пере-

крестился и вышелъ. Такъ какъ еще здѣсь, въ церкви, слышенъ былъ ропоть толпы, волновавшейся на площади, около храма, то, чтобы отвлечь вниманіе народа, Златоустъ велѣлъ привести лошадь къ западнымъ дверямъ. Конечно вся толпа и сосредоточилась здѣсь, съ нетерпѣніемъ ожидая выхода Златоуста. Златоустъ и вышелъ, но только въ другія, въ восточныя двери. Подъ кровомъ ночной темноты, направился онъ къ гавани, гдѣ и отдался воинамъ.

Народъ долго ждалъ у западныхъ дверей храма. Наконецъ, явилось подозрѣніе..... Толпа заволновалась, выломала дверь въ ограду церковную и проникла въ храмъ. А съ другой стороны явились и воины. Завязалась кровавая схватка; святое мѣсто огласилось проклятіями, стонами, залито было кровію. Предполагая, что архипастырю сдѣлано какое нибудь насиліе, толпа защитниковъ его и охранителей перенесла волненіе и на улицы города. А когда правда стала извѣстна народу и онъ бросился къ гавани, то ужъ только вдаль можно было видѣть судно, навсегда уносившее Златоуста отъ столицы и отъ преданнаго ему народа.

Вопли и стоны раздались на берегу и надъ моремъ. Народное горе было безпредѣльно. А между тѣмъ и на этотъ разъ страшное знаменіе гнѣва Божія разразилось надъ Константинополемъ: на небѣ собралась необычайная грозовая туча, поднялась ужасающая буря. Весь городъ буквально дрожалъ отъ непрестанныхъ и оглушительныхъ раскатовъ громовыхъ. Необыкновенной величины градъ убивалъ людей и животныхъ, опустошалъ городъ. Молнія ударила въ каедральный храмъ, и скоро весь онъ объятъ былъ облакомъ искръ и дыма. Пламя пошло далѣе, по этой центральной и роскошнѣйшей площади Константинополя, достигло сената, погубило и это украшеніе столицы. Отъ жгучаго жара свинцовыя кровли сената и сосѣднихъ зданій растопились, и свинець ручьями лился на землю. Колонны, статуи, мраморъ, золото, бронза, серебро, все это расколотое и растопленное, превратилось въ безобразную пылающую лаву. Самыя великолѣп-

ныя строенія города были обращены въ пепель. Сильно пострадалъ, испорченъ былъ и императорскій дворець, особенно покои Евдоксіи.

Но на сей разъ окаменѣвшее въ злобѣ на Златоуста сердце царицы не тронулось и не захотѣло понять божественнаго вразумленія. Всѣ и она сама, не только въ эту ночь, но и весь слѣдующій день, заняты, отвлечены были пожаромъ, Златоуста пока забыли. Когда же пожаръ, наконецъ, прекратился, Златоустъ былъ уже далеко отъ Константинополя: по ту сторону моря, шелъ онъ по дорогѣ къ Никеѣ, подъ конвоемъ преторіанской стражи.

20 іюня 404 года совершилось это низложеніе и удаленіе Златоуста, а чрезъ недѣлю, 27-го, былъ уже назначенъ и преемникъ ему. Каедрю златословеснаго, мірового витія занялъ старецъ Арзакъ, человекъ безсловесный,—недаромъ современники такъ и прозвали его „многорѣчивая рыба“. Враги Златоуста, повидимому, восторжествовали; но не надолго. Праведный судъ Божій не замедлилъ покарать многихъ изъ нихъ. Напримѣръ, одинъ изъ епископовъ, судившихъ Златоуста, на возвратномъ пути съ лжесобора упалъ съ лошади и разбился на смерть; другой заболѣлъ гнойной водянкой и заживо съѣденъ былъ червями; третій умеръ отъ злокачественной рожи; у четвертаго отъ непонятной болѣзни такъ распухъ языкъ, что онъ былъ задушенъ имъ; у пятаго какъ разъ на соборѣ, осудившемъ Златоуста, наступили на мозоль, и отъ этой ничтожной причины сдѣлалась гангрена и въ результатѣ—мучительная смерть. Наконецъ, всего только черезъ три съ половиной мѣсяца по изгнаніи Златоуста, умерла и Евдоксія, умерла совершенно неожиданно, въ ужаснѣйшихъ родовыхъ мученіяхъ.

А что же случилось съ святымъ изгнанникомъ? Пролѣдимъ уже кратко исторію его дальнѣйшихъ страданій.

Три остальныхъ года жизни Златоуста были именно страданіемъ непрерывнымъ. Злоба враговъ не оставляла въ покоѣ и изгнаннаго невиннаго страдальца. Его пересылали все въ болѣе и болѣе отдаленныя, дикія и неудобныя для жительства мѣста. Такъ, послѣдовательно

онъ былъ въ Никеѣ, Кукузѣ, Арависѣ и, наконецъ, въ Команяхъ. Самые переходы Златоуста съ мѣста на мѣсто были варварскимъ истязаніемъ святителя. Такъ напримѣръ, едва нѣсколько недѣль отдохнуль онъ на одномъ мѣстѣ, въ Никеѣ, какъ долженъ былъ идти въ Кукузъ. Дорога была очень дальняя и невыносимо трудная. Златоустъ долженъ былъ идти пѣшкомъ, подъ конвоемъ стражниковъ-язычниковъ, которымъ, при томъ, приказано было по возможности обходить города и останавливаться только въ пустынныхъ мѣстахъ. Подъ палящими лучами солнца, изнуряемый лихорадкой, питаясь только черствыми заплѣснѣвшими сухарями, размачиваемыми въ грязной, соленой водѣ, какою можно было найти въ этой мѣстности, Златоустъ сорокъ дней шелъ до Кесаріи Каппадокійской. Кесарія являлась самымъ крупнымъ перепутьемъ для Златоуста, и народъ этого большого города, издавна и много слышанный о Златоустѣ, встрѣтилъ-было его съ радостью и почетомъ. Но епископъ Кесаріи (Фаретрій), одинъ изъ самыхъ злобныхъ враговъ Златоуста, потребовалъ немедленнаго его удаленія. Между тѣмъ въ мѣстности, окружавшей Кесарію, показались исавряне, горное разбойничье племя, бывшее ужасомъ всей Малой Азіи; они являлись пиратами на морѣ и они же производили разбойные, хищническіе набѣги на сушѣ. Поэтому, двинуться въ путь, значило попасться этимъ варварамъ, идти почти на вѣрную смерть. И тѣмъ не менѣе толпа какихъ-то темныхъ личностей, подосланныхъ Фаретріемъ, ночью, осадила домъ, въ которомъ пріютился узникъ-святитель; стали ломать двери, угрожали поджечь домъ,—такъ что пришлось немедленно ночью и не взирая на опасности покинуть Кесарію. Но слава Богу, эта ночь опаснаго путешествія прошла благополучно, а днемъ Златоустъ могъ остановиться въ одномъ замкѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Кесаріи. Но едва наступила ночь, какъ исавряне напали на этотъ замокъ. Пришлось опять бѣжать, спасаться. Въ темную ночь, по проселочной горной тропинкѣ, высѣченной въ скалѣ и усѣянной постоянно скатывавшимися камнями, приходилось ошунью подвигаться

впередь. Но вотъ лошакъ, котораго здѣсь было дали Златоусту, споткнулся и упалъ. Святитель ударился о камни и лишился чувствъ. Конвойные сочли его даже умершимъ. Но онъ очнулся и долженъ былъ ползкомъ продолжать свой путь далѣе, черезъ пропасти, обрывы, черезъ горные потоки, ежеминутно подвергаясь смертельной опасности и воистину мученически страдая. Черезъ тридцать слѣдующихъ дней такого путешествія, Златоустъ достигъ, наконецъ, Кукуза. То была пограничная, въ горной глуши, деревушка, съ невыносимо суровымъ и гибельнымъ для здоровья климатомъ, рѣшительно безъ всякихъ удобствъ жизненныхъ и подъ вѣчнымъ страхомъ нападенія разбойниковъ и дикарей. Въ такой-то, скрытой отъ свѣта, недоступной для людей, могилѣ живой, прожилъ Златоустый архипастыръ болѣе двухъ лѣтъ. Только временно, вслѣдствіе нападенія тѣхъ же варваровъ, исаврянъ, на Кукузъ, святитель вынужденъ былъ, зимою 405 г., въ лютые морозы, безъ дороги, черезъ заваленныя снѣгами горныя пропасти, оледенѣлыя лѣса спастись въ горную крѣпость Арабисъ, гдѣ и укрывался онъ нѣсколько мѣсяцевъ. Самая крѣпость эта была хуже всякой тюрьмы: въ ту пору забытые и брошенные обитатели ея страдали и умирали отъ голода. Но и жизнь въ Кукузѣ была сплошнымъ мученичествомъ для Златоуста. Самъ кроткій святитель, отнюдь не въ качествѣ жалобы, вотъ какъ описалъ одному изъ друзей своихъ первую свою зиму въ Кукузѣ: „пишу тебѣ, поднявшись отъ самыхъ дверей смерти. Суровую и жестокою зиму здѣшнюю я провелъ даже хуже, чѣмъ мертвецы, такъ какъ я чувствовалъ и чувствовалъ только одно страданіе. Недѣлями я не могъ подняться съ постели. Чтобы избавиться отъ стужи, я укрывался всей своею ветошью, разводилъ огонь и лежалъ въ несносномъ чаду. А сверхъ того головныя боли, рвота и непрестанная бессонница причиняли мнѣ великія болѣзни“.

И въ такой-то ужасающей обстановкѣ, въ крайнемъ изможденіи, Златоустъ сохранилъ невозмутимое спокойствіе кроткой и незлобивой своей души. Одушевленный

непоколебимою преданностью волѣ Божіей, онъ безропотно и даже радостно несъ свой тяжкій жизненный крестъ. Его письма отъ той поры возбуждаютъ удивленіе: такую бодростію и мужествомъ вѣтъ отъ нихъ! Очевидно, этотъ великій человѣкъ стоялъ выше обыкновенныхъ земныхъ искушеній, не допуская никакихъ малодушныхъ человѣческихъ жалобъ, сѣтованій. „Зачѣмъ унывать въ страданіяхъ!“ восклицаетъ, на примѣръ, Златоустъ въ одномъ письмѣ: „развѣ возможно не почерпнуть твердости въ божественныхъ словахъ Того, Кто за насъ страдалъ больше насъ! Какъ жаловаться, унывать, когда самъ Господь проповѣдывалъ Евангеліе среди преслѣдованій и мученій?!“ Въ другомъ письмѣ къ друзьямъ своимъ Златоустъ пишетъ: „меня изгнали изъ столицы, и я равнодушенъ къ этому. Куда бы меня ни сослали, вездѣ *Господня земля и исполненіе ея*. И чтобы со мной ни сдѣлали, я ко всему готовъ: захотятъ распилить меня, Исаія будетъ моимъ образцомъ; утопить меня—я буду въ мысляхъ имѣть Іону; сжечь меня—трехъ отроковъ; бросить звѣрямъ—вспомню Даниила...“ „Враги Златоуста всюду и всячески распространяли молву, что Златоустъ честолюбивъ, гордъ, что онъ сгораетъ желаніемъ возвратиться на свою кафедру, чтобы расправиться съ ними; а между тѣмъ Златоустъ вотъ что писалъ друзьямъ своимъ изъ Кукуза: „пусть никто не приходитъ къ несчастной мысли извлечь меня отсюда! Да не вздумаетъ этимъ оказать мнѣ милость!“ „Мое сердце, читаемъ еще въ одномъ письмѣ Златоуста, находитъ величайшее утѣшеніе въ страданіяхъ; въ нихъ сокрыто мое сокровище. И я радуюсь, благословляю Господа, удостоившаго меня благодати столько пострадать“.

Да и не бездѣятельнымъ оставался заточенный святой. По крайней мѣрѣ въ дни своего относительнаго здоровья, онъ обнаруживалъ удивительную энергію и трудолюбіе. Кромѣ обширной переписки съ своими прежними друзьями, епископами, съ монашескими общинами и съ обращающимися къ нему со всѣхъ сторонъ чтившими его христіанами (писемъ его даже до насъ сохранилось болѣе 250 и многія изъ нихъ суть болѣе или менѣе обстоя-

тельные трактаты на разныя богословскія темы), Златоустъ и въ ссылкѣ оставался великимъ дѣятелемъ въ текущей жизни церкви христіанской. Живя на окраинахъ тогдашняго обитаемаго міра, въ средѣ и около дикарей, варваровъ, грубыхъ язычниковъ, онъ всѣ усилія свои напрягалъ на святое дѣло миссіи среди этихъ, еще въ тьмѣ и сѣни смертной пребывавшихъ людей. Собирая отъ благотворителей и почитателей своихъ довольно обильныя средства, онъ и теперь организовалъ цѣлыя миссіонерскія общества, дружины, которыя и направлялъ въ Финикію, Персію, къ готамъ и т. д.

Если и въ изгнаніи преслѣдовала Златоуста злоба оставшихся еще въ живыхъ враговъ его, то еще больше преслѣдовала его и въ неприступно глухихъ, далекихъ захолустьяхъ, слава, извѣстность, любовь и уваженіе къ нему всего, можно сказать, христіанскаго міра. Еще когда Златоустъ шелъ въ заточеніе, то во многихъ мѣстахъ христіане встрѣчали его съ торжествомъ и почитали, какъ великаго человѣка и славу міра. Напримѣръ, жители Кесаріи горько оплакивали его невинное страдальчество и громко зывали къ нему: „лучше бы солнце затмилось, чѣмъ замолкли твои золотыя уста!“ А когда Златоустъ поселился въ Кукузѣ, то масса паломниковъ отовсюду, особенно изъ Константинополя и Антиохіи, проторили дорогу въ эту, дотолѣ міру невѣдомую, дикую глушь, къ великому изгнаннику. Свѣтскія лица, духовные, монахи, епископы, благочестивыя женщины, толпами, вереницами пробирались въ Кукузу. Все честное духовенство дальняго востока явно и тайно поддерживало сношенія съ Златоустомъ, такъ что чуть не больше, чѣмъ когда нибудь, великій святитель сталъ авторитетомъ и представителемъ церкви для всего христіанскаго міра. Къ нему присылали и приносили богатыя приношенія, значительныя суммы денежныя, что онъ цѣликомъ, до послѣдней копейки, обращалъ на дѣло милосердія и на потребности миссіи. Сотнями летѣли къ нему письма отъ множества его читателей и поклонниковъ, требовавшихъ отъ него совѣта, наставленія или просто благословенія. Словомъ, низ-

верженный и заточенный архипастырь не только не померкъ, а явился еще большимъ свѣтомъ міру, и ничтожная Кукуза дѣлалась славнѣе Константинополя, потому что вмѣщала въ себѣ величайшаго изъ людей. Партія ненавистниковъ Златоуста, и теперь, по смерти самыхъ важныхъ главарей ея, все еще многочисленная и сильная, не могла не чувствовать посрамленія своего—при видимомъ, внѣшнемъ торжествѣ. Къ стыду и немалому ужасу своему, они говорили: „смотрите, этотъ побѣжденный, мертвецъ, становится страшенъ для живыхъ, для побѣдителей“. Наблюдая тяготѣніе христіанъ въ Кукузъ, къ Златоусту, они повторяли въ ту пору общеизвѣстную фразу: „вся Антіохія въ Кукузъ!“

И вотъ именно это-то обстоятельство, великая популярность Іоанна, и побудило враговъ его, пользуясь все той же слабостью Аркадія, скрыть „свѣтило земли“, какъ тогда называли Златоуста, куданибудь еще подальше, въ еще болѣе неприступное, темное и страшное мѣсто, гдѣ бы для золотыхъ устъ какъ можно скорѣе настало, наконецъ, могильное молчаніе. Въ іюнѣ 407 г. приказано было перевести Златоуста въ Пиѳеунтъ. Это уже самое крайнее и отдаленнѣйшее мѣстечко въ имперіи въ дикой и палящей пустынѣ, гдѣ безпрепятственно царили и разбойничали варвары. Собственно говоря, этимъ произнесенъ былъ сознательно и намѣренно смертный приговоръ Златоусту. И все очевидно направлено было къ возможно вѣрному и скорому достиженію этой варварской и злодѣйской цѣли. Было приказано, чтобы и безъ того уже до крайности ослабленный болѣзнями и невзгодами, почти 60-лѣтній старецъ, Златоустъ, совершилъ этотъ далекій переходъ пѣшкомъ, босой и съ непосильной для него быстротой. Сопровождать его назначены были два солдата, грубые язычники, не знавшіе ни жалости, ни состраданія. Да имъ, впрочемъ, очень недвусмысленно дали понять, что вовсе и не нужно заботиться о томъ, будетъ ли приведенъ узникъ живымъ до мѣста, или умретъ онъ дорогою. Ясно было, что Златоуста приговорили къ смерти, но которую, впрочемъ, нельзя было назвать прямо убій-

ствомъ. Нельзя и подумать, чтобы самъ Златоустъ не понималъ этого. Но тѣмъ не менѣе, невинный страстотерпецъ съ бодрымъ духомъ отправился на новое мученичество, въ свой послѣдній, по-истинѣ крестоносный путь смертный. Продолжались предсмертныя мученія Златоуста очень долго, цѣлыхъ три мѣсяца. Черезъ 90 дней безостановочнаго пути, въ ужасающихъ для изможденнаго старца условіяхъ, Златоустъ, еле живой, прошелъ черезъ городъ Команы (въ предѣлахъ теперь русскихъ владѣній: въ Кавказскихъ горахъ, недалеко отъ сѣвернаго берега Чернаго моря). Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Команъ была уединенная церковь, въ которой похороненъ былъ мученикъ, св. Василискъ. Въ этомъ-то одинокомъ пріютѣ священномъ и остановился Златоустъ, такъ какъ дальше идти онъ рѣшительно былъ не въ состояніи. Но жестокіе спутники силою повлекли его. Однако, скоро они убѣдились, что близится смертный часъ новаго священномученика, и они подняли его и уже на рукахъ принесли обратно въ церковь св. Василиска.

Собравши весь остатокъ силъ своихъ, святитель поднялся въ церкви, попросилъ бѣлыя одежды, въ которыя и облачился. Потомъ онъ причастился св. таинъ и продолжалъ молиться, вслухъ произнося свои послѣднія земныя воздыханія и моленія ко Господу. Голосъ его скоро сталъ ослабѣвать, замирать. Тѣло его склонилось на полъ церковный. Отчетливо, рѣдко онъ произнесъ: „слава Богу за все!“ Перекрестился, вытянулся и еле внятно прошепталъ: „Аминь“. Съ этимъ заключительнымъ священнымъ словомъ на вѣки сомкнулись золотыя уста. Праведный духъ великаго мученика отлетѣлъ въ небесныя обители, *идъ же нѣсть болѣзни, печалей и воздыханій.*

По знаменательному совпаданію, это было 14 сентября (407 г.), т. е. тотъ день, когда всѣ христіане вспоминаютъ смертныя страсти Спасителя и поклоняются святому кресту Христову. Вѣсть о кончинѣ Златоустаго архипастыря, подвижника и мученика, быстро разлетѣлась повсюду. Во множествѣ со всѣхъ сторонъ потянулись христіане въ Команы, поклониться священному праху величайшаго

отца и учителя церкви. Святой Иоаннъ Златоустъ погребенъ былъ тамъ же, на мѣстѣ его блаженной кончины, т. е. въ церкви св. Василиска, рядомъ съ мощами этого мученика.

Время шло; одинъ за другимъ быстро уходили въ могилу всѣ и послѣдніе враги и ненавистники Златоуста. А онъ словно больше и выше все росъ и поднимался надъ землею. Въ народѣ все больше и больше распространялась молва и воспоминанія о необычайномъ, великомъ святителѣ архипастырѣ, объ его подвижнической жизни, его поразительныхъ дѣлахъ милосердія, о дивномъ, злато-словесномъ его ученіи и безвинномъ мученическомъ концѣ. Такъ прошло 30 лѣтъ. И вотъ однажды, новый, уже четвертый преемникъ Златоуста, благочестивый и святой архіепископъ Прокль, въ день памяти Златоуста, говорилъ похвальное ему слово. Народъ прервалъ рѣчь проповѣдника возгласами: „возвратите намъ нашего Іоанна! Мы желаемъ имѣть у себя тѣло Отца нашего!“ Прокль немедленно передалъ объ этомъ желаніи народа императору. И императоръ, тоже новый, благочестивый Θεодосій 2-й, въ согласіи со всѣмъ духовенствомъ, рѣшилъ удовлетворить пламеннымъ желаніямъ всего народа, возвратить хотя бы только прахъ священный Златоуста въ Константинополь. Въ 438 г. императоръ отправилъ въ Команы, торжественное посольство и съ нимъ собственноручное свое посланіе къ Іоанну Златоусту. Съ благоговѣйнымъ торжествомъ мощи святителя, оказавшіяся совершенно нетлѣнными, подъяты были изъ подъ спуда церковнаго. Царское посланіе было прочитано передъ мощами и отдано, положено было въ руки святителя. „Вселенскій учитель и мой духовный отецъ! въ посланіи этомъ взывалъ императоръ Θεодосій: „къ тебѣ, какъ къ живому, посылаю я это прошеніе. Даруй мнѣ и паствѣ твоей прошеніе! Прости насъ и гряди къ намъ, дѣтямъ твоимъ, какъ отецъ любимый,—возвесели пришествіемъ своимъ любящихъ тебя! Не повелѣваю, а умоляю тебя, честнѣйшій Отче: даруй

себя ожидающимъ тебя! Прииди съ миромъ къ своимъ, и свои съ любовію примутъ тебя!“ Многое множество народа собралось проводить и сопровождать дорогую святыню, и много чудесъ, исцѣленій совершилось въ эти дни. Напр., поразительное чудо совершилось на глазахъ у всѣхъ въ первый же моментъ по изытіи св. мощей изъ земли: одинъ хромой, протискавшійся ко гробу, съ великимъ энтузіазмомъ и вѣрою схватилъ полотенце, которымъ вынимали гробъ изъ земли, и приложилъ его къ больной, согнутой ногѣ: нога его тотчасъ же вытянулась и стала здоровою.

Посольство царское съ честными мощами Іоанна Златоуста немедленно двинулось въ обратный путь изъ Команъ въ столицу. Въ высокой степени торжественно и величаво было это обратное шествіе святителя въ его каѳедральный городъ. Все громадное разстояніе отъ Команъ святыя мощи несла на рукахъ волна народная, все больше и больше нараставшая, увеличивавшаяся. Когда грандіозное шествіе приблизилось къ Босфору, то воды его, какъ и прежде, при возвращеніи Златоуста, ожили, украсились несчетной флотиліей лодокъ, судовъ, переполненныхъ православнымъ людомъ, съ яркими факелами въ рукахъ и съ восторженными кликами и хвалебными гимнами святителю на устахъ. Великолѣпная яхта императорская приняла на себя дорогую, всѣми страстно желанную и восторженно срѣтаемую святыню; и плавно понеслась она по водамъ словно замершаго и въ умиленіи притихшаго пролива къ столицѣ. А тутъ, на берегу, былъ весь Константинополь, съ императоромъ и царской семьей во главѣ. Святыя мощи перенесены были во храмъ и поставлены въ серединѣ, на архіерейскомъ амвонѣ, гдѣ прежде такъ часто отверзались златыя уста почившаго и откуда, можно сказать, во весь свѣтъ и на всѣ времена гремѣли златыя его слова. Императоръ снялъ съ себя пурпуровую императорскую порфиру и благоговѣнно покрылъ ею святыя мощи, а самъ съ своей сестрою, царвеною, поверглись предъ мощами на колѣна. Обливаясь слезами, вслухъ и всенародно, императоръ испрашивалъ у незло-

бываго святителя прощеніе родителямъ своимъ, Аркадію и Евдоксіи, которые принесли святому страдальцу столько скорби и огорченій... Потомъ, предъ опусканіемъ мощей въ уготованную около престола раку, архіепископъ Прокль приподнялъ главу святителя на видъ всему народу, и всѣ, вмѣстѣ съ архіепископомъ, восторженно и громогласно восклицали: „Святѣйшій отецъ нашъ, пріими опять святой престоль твой!“ Весь народъ въ великомъ религіозномъ экстазѣ плакалъ, духовную радость и ликование христіанъ при этомъ нельзя передать никакими словами.

Прошло 1500 лѣтъ съ той поры. И вотъ нынѣ весь міръ крещенный снова оглашается праздничнымъ ликованиемъ во имя Златоуста. Сознанію cadaго изъ насъ предстоитъ, какъ воскресшій изъ тьмы вѣковъ, въ дивномъ величіи и обаятельномъ ореолѣ великій святитель. Память его не померкла за эти долгія столѣтія; она жива и священна въ мірѣ, имя его—имя родное для всѣхъ христіанъ. Его святая, мученическая жизнь и неимовѣрные труды не безслѣдно канули въ вѣчности,—нѣтъ, слѣдъ Златоуста именно золотой нитью проходитъ чрезъ всю исторію христіанства, наслѣдіе отъ него въ нашей церкви святой огромно. На Златоустѣ, на его златыхъ словесахъ, воспитывались цѣлыя племена и народы; изъ его великаго духа родились и на книгахъ его развились и возросли въ церкви христіанской безчисленные учителя, пастыри, проповѣдники. Но еще никто не сравнился съ нимъ самимъ и никто не затмилъ его. Въ лѣтописяхъ просвѣщенія и краснорѣчія христіанскаго еще нѣтъ, не встрѣчается имени болѣе славнаго, заслуженнаго и болѣе говорящаго уму и сердцу: имя Златоуста сіяетъ и сейчасъ, какъ единственное и несравненное. И сейчасъ, самоотверженная и подвижническая жизнь Златоуста и его дивный талантъ ораторскій являются предметомъ восхищенія и изумленія. По прежнему, сочиненія Златоуста и плѣняютъ, и чаруютъ, и увлекаютъ читателей. Чрезъ мракъ и смятеніе вѣковъ, онъ, для насъ и, конечно, въ

роды родовъ послѣ насъ, звучить мощными и побѣдоносными, все-покоряющими и всѣхъ-восторгающими глаголами вѣчной истины Христовой и высокаго, святого назиданія. И доселѣ онъ—самый нужный и самый любимый христіанами толковникъ слова Божія, и доселѣ сочиненія его — недостижимый образецъ для подражаній и неисчерпаемый источникъ для просвѣщенія. Нисколько не поблекла сила и блескъ дивныхъ проповѣдей Златоуста, изумительно простыхъ и безконечно содержательныхъ, всегда необыкновенно интересныхъ, живыхъ и никогда нескучныхъ, бурнымъ потокомъ отъ пламеннаго и любящаго сердца звучащихъ и сердца объемлющихъ, зажигающихъ. Отъ природы запечатлѣнный особенными дарами Божиими, душу свою просвѣтившій мудростію христіанскою, овѣянный благодатію Господнею и очищенный въ горнилѣ подвижничества, мужъ воистину святой, мученикъ въ жизни и апостоль любви въ сочиненіяхъ, громоносный ораторъ, поэтъ - проповѣдникъ, Златоустъ есть слава церкви Христовой, отрада христіанъ, чудо въ человѣкахъ. Обычное наименованіе „великій“ мало для Златоуста: и „великихъ“ было нѣсколько, а „Златоустъ“—только одинъ. Какъ ни пробовали-было примѣнять имя это къ нѣкоторымъ подражателямъ Златоуста, но оно не льнетъ къ нимъ, потому что по праву оно принадлежитъ только ему единственному. Предъ святынею и величіемъ такого чело­вѣка возможно и умѣстно только благоговѣйное восхищеніе и умиленная молитва. Если въ житейскомъ разсѣяніи нашемъ мы забываемъ Златоуста, то пусть нынѣшнее торжество Златоустовское напомнитъ про него намъ и навсегда приблизитъ его къ сердцамъ нашимъ. Въ наше безотрадное настоящее время, время крайней нищеты духовной, да воспрянетъ и да возрадуется всякая душа христіанская отъ созерцанія и нравственнаго сближенія съ могучимъ, неспоклоннымъ, великимъ духомъ великаго Златоуста, всѣхъ насъ христіанъ наставника, утѣшителя и друга!

Совершая нынѣ это свѣтлое торжество юбилейное, въ благоговѣйномъ умиленіи преклонимся предъ священ-

нымъ и драгоцѣннымъ ликомъ святаго Іоанна Златоуста и возблагодаримъ за него Бога, воистину дивнаго во святыхъ своихъ. Величая и прославляя Златоуста, воскликнемъ и мы вмѣстѣ съ Златоустомъ: „слава Тебѣ, Богу— за все! Аминь“.

А. Царевскій.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**